

МЕРАБ РАТИШВИЛИ

Потерянные Страницы

РОМАН

12+

Мераб Ратишвили
Потерянные страницы

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Ратишвили М. Г.

Потерянные страницы / М. Г. Ратишвили — «ЛитРес: Самиздат»,
2014

ISBN 978-5-5321-0028-2

Судьба книги чем-то схожа с судьбой человека. Роман «Потерянные страницы» принадлежит к такой категории книг, которые с первых же страниц занимают важное место в твоей жизни. Опытный читатель вновь встретится с героями романа великого грузинского писателя Чабуа Амiredжиби «Дата Туташхия», где рассказывается об участии героев в трагических событиях Российской империи всего XX века.

ISBN 978-5-5321-0028-2

© Ратишвили М. Г., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

ОТ АВТОРА	5
САНДРО АМИРЕДЖИБИ	8
ЛИДИЯ НОВГОРОДЦЕВА	16
ИЗ ДНЕВНИКОВ ЮРИЯ ТОНКОНОГОВА	22
ЛИДИЯ НОВГОРОДЦЕВА	26
ИЗ ДНЕВНИКОВ ЮРИЯ ТОНКОНОГОВА	29
САНДРО АМИРЕДЖИБИ	36
НИКОЛАЙ ШИТОВЕЦ	40
ЛИДИЯ НОВГОРОДЦЕВА	49
САНДРО АМИРЕДЖИБИ	52
ИЗ ДНЕВНИКОВ ЮРИЯ ТОНКОНОГОВА	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

ОТ АВТОРА

Дорогой мой читатель! Этот роман написан в тюремной камере с одной единственной целью – связать между собой две эпохи, чтобы увидеть, как похожи друг на друга по жестокости и ненависти XX и XXI века. Я хотел показать, насколько изменился человек и его внутренний мир на протяжении последнего столетия, смогли бы или нет герои и благородные люди начала XX века и в нынешнем столетии остаться на своей высоте. Я стремился определить те человеческие ценности, которые неподвластны неумолимому течению времени, которые не блекнут и не тлеют под его воздействием. Наконец, я хотел определить то человеческое богатство, которое так высоко ценится во все времена.

Этот роман я посвящаю истинному рыцарю XX века, нравственному примеру суровой эпохи, моему любимому писателю и дорогому мне человеку – Чабуа Амiredжиби, блаженному мученику – монаху Давиду.

Лично я не встречался с господином Чабуа Амiredжиби. Мне не выпало это счастье. Но хорошо знаю его заочно, так как герои его произведений мне все рассказали о нем. Надеюсь, что, когда распрощаюсь с тюремной камерой, я смогу познакомиться с ним лично.

Дорогие мои, я не соперничаю с вами в любви к вашему любимому писателю. Моей единственной целью является лишь то, чтобы жизнь одного из наилучших писателей и выдающегося человека надолго осталась в памяти наших современников, и будущих поколений. У меня есть лишь одно желание, чтобы герои его неповторимых романов вновь ожили в нашем воображении, чтобы мы смогли уже с высоты новой эпохи взглянуть и оценить насколько они актуальны и сегодня, насколько их жизненная философия актуальна для современников.

Я провел большую часть своей жизни вдали от Родины. Так случилось, так произошло, можно сказать, так потребовала жизнь. В разных уголках мира я встречался со многими моими соотечественниками – интересными личностями, которые, в силу разных причин, прожили свою жизнь на чужбине, вдали от Родины. Однако, всеми своими мыслями и своей деятельностью они как-то, все же, были связаны с моей Родиной. Не многим, но некоторым из них повезло, и они смогли вернуться домой, так же, как и я – пусть даже в тюремную камеру, но все же на Родину. Немногим выпало на долю это счастье. Жизнь всех грузин за пределами Родины чем-то похожа одна на другую, независимо от того, с какой миссией каждый из них явился на этот свет, по какой причине оказался на чужбине и чем занимался. Не имеет значения ни эпоха, ни та страна, которая похитила или приютила их, и где они обосновались окончательно. Во все времена, и в прошлом и в настоящем, все они жили только одним – мыслями о своей родине.

Вы только представьте себе, сколько больших патриотов своей страны, мечтали о возвращении на Родину. Большинство из них не пожалело бы ничего, чтобы осуществить эту мечту. Сегодня мы видим все это именно так. Да в большинстве случаев так оно и было. Но было что-то сокровенное, и в тоже время непреодолимое, которое тяжким грузом лежало на сердце и преграждало путь к родине. В мыслях каждого человека на чужбине постоянно борются между собой два чувства: страстная тяга к Родине и страх. Да, именно страх, возможно возникший по разным причинам, но все же страх. Вдруг я не такой увижу свою долгожданную родину? А вдруг меня там не примут? Ведь таких примеров тоже много. Со временем такое настроение усугубляется все больше и делает этот страх непреодолимым, что становится новым препятствием на пути к Родине.

Мой друг, профессор Давид Цагарели всю жизнь мечтал вернуться на Родину. Он часто говорил мне, что при одной мысли об этом его охватывает жуткий страх и переживания. Когда он вышел на пенсию, он все же решил вернуться домой. Ожидание встречи с Родиной оказалось настолько эмоциональным, что сердце его не выдержало, и он скончался в самолете. К сожалению, я не смог проводить его в последний путь. К тому времени я был уже в тюрьме.

Весной 1987 года я ездил в командировку на север, в город Бодайбо. Город этот находится на расстоянии тысячи километров к северу от Иркутска. Когда-то там добывали 25% советского золота. Там я случайно познакомился с одним грузином, звали его Серго, к сожалению, фамилии его я не помню. Он был уже в годах, работал в тресте «Витимзолото». Он был очень рад нашему знакомству. Двадцать лет он провел в тюрьмах и колониях, а потом находился на свободном поселении в Сибири. Сначала он был политическим заключенным, потом к этому обвинению добавились и другие статьи. В Бодайбо он жил уже пятнадцать лет. Во время наших бесед он все время говорил о Грузии. Как-то я спросил его, почему он не возвращается в Грузию. Он смутился, и спустя некоторое время ответил:

«Я боюсь потерять ту Грузию, которая сохранилась в моем воображении. Если я вернусь на Родину и не почувствую от нее того ожидаемого тепла, то сердце мое может не выдержать и разорвется на части.»

Ведь и наш любимый писатель балансировал на такой грани, когда большую часть своей жизни он провел за пределами Родины и, к тому же, его жизнь всегда висела на волоске. По сравнению с теми трагическими приключениями, через которые ему пришлось пройти, даже мельничный жернов покажется слишком легким, но... Но, он все же вернулся на родину. Этим он всё сказал, да и другим подал пример того, что должно быть целью человека, сына такой маленькой и столь дорогой страны каковой является Грузия. После возвращения на родину, господин Чабуа Амiredжиби еще громче высказал все обдуманное и пережитое им, и эхо сказанного им слова и сегодня, в новую эпоху, леденит кровь его читателей, и кто знает, через сколько еще эпох проникнет в сердца людей. Его жизнь и творчество являются зеркалом нашего народа, да и всего человечества в целом. Кто бы не посмотрел в зеркало, он сам сможет увидеть в нем то, что заслужил от своего народа – похвалу или недовольство. Поэтому не надо винить Творца за то, что ты увидишь в этом зеркале.

Сам по себе великолепен и неповторим тот жизненный путь, который прошел господин Чабуа Амiredжиби. Поэтому ни хула, ни похвала, не прибавят ему ничего, да и не убавят тоже. А вот поблагодарить его действительно нужно, ибо многим он помог познать самих себя. И сегодня, если кто-нибудь вздремнул невзначай и забыл, что такое свобода, он поможет ему открыть глаза и укажет правильную дорогу.

В тюремной камере я совсем подругому увидел его как писателя и личность, его биографию, семью и, если хотите, его род. Да, именно род, поскольку здесь не может быть случайности, так как лишь на могучих корнях может выстоять то плодоносящее древо, которое питает и оберегает целые поколения.

Я даже представил себе, какой была бы его жизнь за пределами Родины, если бы, по каким-то причинам – а их было много – ему бы не повезло и он не смог бы вернуться домой. Смог ли бы он там написать свои шедевры, которые подарил нам? Сколько бы потеряла наша страна в том случае, если бы Чабуа Амiredжиби не вернулся на Родину... Одна эта мысль бросает в дрожь. Читателю хорошо известно, что для писателя герои его произведений являются частью его жизни, характера и души, И это несмотря на то, по каким критериям мы их оцениваем. Его герои не убегают от трудностей и опасностей, наоборот, ищут их, чтобы избежать несправедливости, рабства и компромиссов с безнравственностью. Для писателя их жизнь никогда не заканчивается, несмотря на то, какая судьба постигла их в его произведении. Но со своей стороны, и писатель является частью жизни своих героев. Он приходится им самым близким родственником по духу и плоти, в независимости от того, является ли его герой реальным или лишь плодом его фантазии. Ведь можно себе представить, что кто-нибудь из героев его романа продолжил свою жизнь, и теперь уже сам писатель станет персонажем его произведения? Почему бы и нет?! Кто может отнять у него это право? Никто! Именно по этой причине литературное творчество стоит выше всех остальных. У него нет границ, так как оно – продолжение космоса, его суть, поэтому оно безгранично в пространстве и бесконечно во

времени. Даже сам писатель не знает, где ставится заключительная точка в жизни его героев и когда. Не известно и то, кто может это сделать. Так что в моей власти лишь помочь некоторым персонажам, а все остальное они скажут и сделают сами.

Я буду очень рад, мой дорогой читатель, если, прежде чем Вы приступите к чтению этого романа, Вы еще раз перечитаете романы Чабуа Амiredжиби, и, вместе с полученным удовольствием, в Вашем воображении вновь возродятся герои его произведений.

А если вы прочитали их недавно и не жалуетсяь на своё воображение, то – Avanti!

*Бжа дида ре чкими
Тута мума чкими
Хвича хвича мурицхети
Да ди джима чкими.*

*Солнце матушка моя
Луна мой отец
Эти мелкие звездочки
Братья и сестры мои.*

Древнейший гимн колхов

РАЗДЕЛ

I

МУЗА

САНДРО АМИРЕДЖИБИ

То, что тогда произошло, и сегодня стоит у меня перед глазами. Этого я не забуду никогда. Я абсолютно уверен, что эту ночь я буду помнить до конца своих дней. Что произошло потом, как закрутилось колесо моей судьбы – все это я помню во всех подробностях. Содеянное мною разбудило во мне все чувственные органы. Тогда, наверное, многих обрадовала эта новость. Кто-то вздохнул с облегчением, большинство же наверняка прокляло меня, что и не удивительно.

Когда-то моего отца знала вся Грузия. Люди знали его по имени и много слышали о нем, но не знали его в лицо. Мало, кто встречался с ним лично, да и где же могли с ним встречаться, когда он всю жизнь преследовался, и он вынужденно скрывался. Много было у него и врагов, и сочувствующих. В то время, когда большая часть людей считали его своим спасителем или героем, я не знал, что он мой отец. Так сложилось мое детство, что у меня никогда не возникало сомнений по поводу того, что человек, которого я всегда считал своим отцом, таковым не являлся. И откуда я мог все это знать, когда все от меня скрывали правду, будто сговорились. Обо всем этом я узнал лишь после того, как, по чужому наущению, я сзади выстрелил из нагана в затылок ночного гостя. Этот один выстрел полностью изменил всю мою жизнь. Наверное, это сказано очень мягко: не то что изменил, а поставил ее с ног на голову, и в нашей с мамой жизни все закружилось, как юла. Этот выстрел поставил мою будущую жизнь на такой путь, о котором я и представления не имел.

К тому времени, меня уже допросили и через несколько недель оставили в покое. Бедная моя мама уже выплакала все слезы, но и потом глаза ее всегда были влажными от слез. И вот, однажды ночью, не дожидаясь рассвета, мы собрались и покинули деревню. После этого мы так и не возвращались туда. Мы ушли из деревни тайком, не попрощавшись ни с кем. Накануне я встретился лишь с Нуцой, моей соседкой, нравилась она мне тогда, но и ей я ничего не сказал. Это та самая Нуца, которая в ту злополучную ночь услышала выстрел, а наутро пришла ко мне, ибо ночью она побоялась прийти. Но когда она увидела в каком я был состоянии, не стала меня расспрашивать и в одиночестве отбивалась от любопытных соседей, которые столпились у ворот нашего дома. Помню, как она тогда сказала: «Здесь никто не стрелял, да и в кого можно было стрелять, здесь никого не было, наверное на улице стрелял кто-то.» Ей не поверили. Не хотели, или их так не устраивало. Но никто из соседей не сдвинулся с места, пока к полудню моя мама не вернулась из города вместе с матерью Нуцы. А уж после того, как услышали плач моей матери, как же они могли уйти. А плакала она так, будто перед ней лежал покойник, хотя в доме кроме нас никого не было. В комнате перед камином она увидела следы крови и догадалась, что произошло. А потом она призналась мне во всем и сказала: «Я виновата в том, что ты ничего не знал и выстрелил в человека». Но это произошло лишь после того, как полиция и жандармы уже ушли.

С тяжелым камнем на сердце мы шли в темноте по деревенской дороге. Пораженные горем, мы не произносили ни одного слова. И врагу не пожелаешь такого пути, какой прошли мы. У меня было такое чувство, будто, подобно дереву, меня выкорчевали из земли и оторвали от своих корней. Вдоль дороги тени оголенных январских деревьев со скорбью провожали нас. Свисающие мокрые ветви издавали полные сочувствия печальные звуки. Казалось, только они и понимали наши страдания. Сколько деревьев было на нашем пути днем или ночью, кто сосчитает их? Но я всегда думал о том, что они намного чувствительнее людей. После той ночи я часто думал именно так. И даже после того, как рассвело, мы не проронили ни единого слова. Нам тяжело было смотреть друг на друга и разговаривать. Вы не представляете себе, как тяжело покидать родимый дом, да к тому же, когда знаешь, что ты туда никогда больше не вернешься, как трудно оставлять его безмолвно и навсегда. В течение всего нашего

пути, мы лишь изредка перебрасывались словами. Я и раньше-то был не очень разговорчив, а после этого, так вообще... Да и мать моя не отличалась особой разговорчивостью и, в отличие от соседок, никогда не позволяла себе сплетничать. Но сейчас, во время скорби, вот уже несколько недель, как от нее нельзя было добиться ни одного слова, она полностью замкнулась в себе. После того, что я натворил той ночью, я тоже не мог смотреть ей в глаза. А ведь когда я доставал наган из тайника, то думал, что лишь одно нажатие на курок отделяет меня от того, чтобы стать героем и знаменитостью. И все же какова психология юноши, как можно легко ввести его в заблуждение. И тут же на сердце легла такая тяжесть, что я обязательно убежал бы, если бы было куда бежать, но оставить мать я тоже не мог. И как только она сказала, что нам надо уходить, я без слов повиновался. С той минуты моя любовь к матери, уважение и благодарность к ней возросли в десятки раз.

Я никогда не бывал в тех местах, куда мы направились. Я знал лишь то, что много лет тому назад туда переселился дядя моей матери, и что мы должны были разыскать его. Мы не знали, найдем мы его или нет, но главное было уйти подальше от нашей деревни. То, что наши желания совпали, вселяло в меня некоторую надежду. Если бы мы даже и не нашли дядю, то все равно нашли бы какое-нибудь убежище, хотя бы на время. По правде говоря, находиться рядом с мамой мне тоже было нелегко. Это чувство еще больше обострилось, когда я услышал разговор жандарма со своим подчиненным: «Что, что говорит этот ублюдок? Говорит, что выстрелил всего один раз?!» Я сразу и не понял, что речь шла обо мне. Откуда я мог знать, что так меня называли за моей спиной. То, что так говорили не только жандармы, я вник позже... Раз-другой эти слова произнес и соседский мальчик. Впрочем, так обращались и к другим мальчишкам, когда хотели разозлить их. Поэтому я не обратил на это особого внимания и даже простил его, когда он попросил прощения. Но уже другие обстоятельства и намеки заставили меня кое о чем догадаться. Тогда мне не было еще и пятнадцати, но глупцом я точно не был.

С большим трудом нам удалось добраться до деревни Пластунка, поблизости от Сочи. Оказалось, что мама верно помнила место проживания дяди, и после долгого пути, добравшись до них, мы впервые вздохнули с облегчением. Дядя моей мамы оказался человеком состоятельным и с большим потомством. Мне же он приходился дедушкой. Приняли нас хорошо, и мы поселились у них.

Спустя несколько месяцев, а было это теплым летним утром, я помню, как, во дворе возникла какая-то суматоха. К воротам подъехали два жандарма на лошадахи один фаэтон. Они позвали мою мать и всех успокоили: не волнуйтесь, надо разобраться лишь с формальностями, мы заберем ее в город, а вечером она вернется домой. Потом усадили ее в фаэтон и увезли. В тот день в голове у меня все закружилось снова, весь день я провел в растерянности, кусок хлеба не шел в горло, любопытство и ожидание убивало меня, пока мама не вернулась. Вечером ее, действительно, привезли обратно, она не сказала, почему ее забирали. Лишь посоветовавшись с дядей, они позвали меня для разговора с ними.

Я уже знал все о том, кто был мой отец, и почему было подстроено так, чтобы я возненавидел и убил его. Да и убил ли я его? Кто знает? Никто его не видел мертвым. После этого случая мы столько раз слышали, что его видели то там то здесь, что почти поверили, что он, действительно, жив. Наверное, я хотел, чтобы это было именно так. А ведь как много людей мечтали увидеть его мертвым! Да он не дал им испытать такого счастья. С каждым днем становилось все тяжелее, и чем больше я набирался ума, тем больше я становился угрюмей. Детская вольность и радость ушли куда-то далеко от меня. Мне казалось, что все смотрели на меня искоса и с ненавистью, как на убийцу, хотя мои тамошние родственники ничего не знали об этом. А казалось мне все это потому, что я сам смотрел на них как волк, будто они были виновны в том, что случилось, и этим вызывал их тревогу и беспокойство. Когда моя мама и ее дядя позвали меня, они мне сказали, что двоюродный брат моего отца хочет забрать меня на учебу в Петербург. Мол, выучишься и вернешься образованным человеком. «Это пойдет тебе

на пользу, развеет твои переживания и все твои мысли будут направлены только на учебу», – это говорил мне мой дедушка, – дядя моей мамы. Моя мама плакала, но убеждала меня, что так будет лучше, и что это поможет мне побыстрее забыть обо всем произошедшем. Учиться я действительно любил, но упоминание о Петербурге немного удивило и даже напугало меня. Поначалу я было отказался, но потом я даже с радостью смирился с волей старших, так как давно мечтал сбежать куда-нибудь. Я посчитал, что все это было очень кстати. В душе я радовался, хотя и не показывал этого: еще с детства я мог не выдавать своих чувств и переживаний, а также того, что таилось в моем сердце.

В ту же ночь меня начали готовить к дороге. До Сочи мама много говорила со мной о моем отце, каким он был человеком, и что это была за личность. До отъезда мы обошли магазины, купили новую одежду и форму гимназиста. В тот же день мы на маленьком судне добрались до Туапсе. У поезда я впервые встретился с двоюродным братом моего отца. Когда я увидел его, мне стало дурно. Еще немного, и я был бы готов убежать. Как две капли воды был похож на моего отца, разве что немного моложе. На меня он был похож тоже, да и чему тут удивляться. Я стоял перед ним с опущенной головой и не осмеливался смотреть ему в глаза. Он тоже долго смотрел на меня молча. Потом сказал ободряюще: «Ты хорошо одет, как раз для столицы». А маме сказал: «Оказывается, он нашей породы, похож на нас, он в нас пойдет и телом и умом.» Вместе с моим дядей был и адъютант, капитан жандармерии Тонконогов. Трудно было угадать, был ли он русским или грузином, но говорил он по-грузински не хуже меня. Мы поехали втроем. Я впервые ехал в поезде. Мы с дядей расположились в одном купе, а адъютант – в соседнем. Всю дорогу, пока мы ехали до Краснодара, мой дядя говорил о том, как я должен был вести себя, как должен был отвечать на вопросы, кто я такой и чей сын, что у меня было общего с ним, если бы, конечно, кто-нибудь заинтересовался этим вопросом. С сегодняшнего дня – сказал он – у тебя будет другое имя и фамилия. Я слушал его с большим вниманием, он рассказывал о таких вещах, да к тому же с такой уверенностью говорил о том, для чего все это было нужно, что я не мог пропустить ни одного слова. Возьми да не выслушай такого человека! Мне не нравилось, что я должен был называться другим именем, я почувствовал какую-то фальшь во всем этом, но потом, после того, как осмыслил происходящее, мне показалось, что так было нужно. Говорил он со мной на русском языке и попросил меня тоже говорить по-русски. Для своего возраста я довольно хорошо говорил по-русски, во всяком случае, мне так казалось, но кое-что я все же не понимал, и тогда он повторял мне сказанное по-грузински. А когда мы приехали в город, то оказалось, что здесь я уже не понимал больше половины слов, пока немного не привык, но вскоре я осилил и это, так как у меня была прекрасная память, да и большое желание тоже.

Оказалось, что мой дядя был человеком влиятельным – он был тайным советником министра. Об этом я узнал позже. Я и до этого чувствовал, что он – человек необычный, я раньше таких не видел нигде и никогда. Да и где я мог бы их увидеть? К нему я испытывал двойное чувство – я и гордился тем, что у меня такой дядя, и одновременно чувствовал какую-то неловкость, ведь я убил его двоюродного брата. Но оказалось, что в отношении меня у него были совсем иные замыслы. Он сказал мне: «Ты пойдешь учиться в школу кадетов и там ты будешь князем Александром Георгиевичем Амиреджиби.» После этого, чтобы приучить меня к моему новому имени, он меня называл просто Сандро. «Будь внимательнее, чтобы случайно не выдать себя, присматривайся к людям и усваивай манеры людей высшего сословия».

До Ростова мы обедали в вагоне-ресторане, и там он учил меня, как за столом пользоваться ножом и вилок. Было трудновато, но я очень старался. Я чувствовал, что он меня к чему-то готовил, правда, не знал к чему, но у меня появился какой-то интерес. Да разве я мог себе представить, что уже через несколько часов мне придется сдавать экзамен. Я тут же догадался, что нашу родственную связь он не хотел выставлять напоказ и понял, что эта тайна для чего-то была необходима.

Поезд прибыл в Ростов. Я стоял в коридоре у окна и рассматривал стоящих на перроне пассажиров и их провожающих. Здание вокзала было очень красивым. Наш вагон остановился прямо перед ним. У дверей вагона стояли две дамы в сопровождении двух высоких военных чинов. Одна из них была очень красивой, модно одетой, и я почему-то сразу же догадался, что провожали именно ее. Они попрощались с ней так же, на перроне, в вагон она вошла в сопровождении полковника и проводника вагона. Ее место оказалось в купе капитана по соседству с нами. Узнав, что рядом с ней в купе будет находиться капитан, и посоветовавшись на месте, они попросили меня поменяться с капитаном местами и перейти в ее купе. Видимо, все это было мотивировано тем, что для дамы путешествие в одном купе со мной создавало бы ей меньше неудобств, нежели путешествие с капитаном. Мой дядя согласился, и полковник с благодарностью попрощался с нами. Что мне оставалось делать, да и кто меня спрашивал? Я очень волновался, но больше всего я боялся выдать свое княжеское происхождение. Я чувствовал себя так неловко, что я даже не мог спокойно смотреть ей в лицо. Но то, что успел увидеть, когда она давала распоряжения проводнику, поразило меня, она показалась мне еще более прекрасной, нежели раньше. Было видно, что бог не обделил ее ничем. Она выглядела лет на девять-десять старше меня. У нее было два кожаных чемодана и одна коричневая красивая сумка, которую называют саквояжем. Такого красивого багажа я никогда раньше не видел, все это вместе с ее нарядом вконец очаровало меня. И голос у неё был очень приятным! А манеры, – о них и говорить нечего, они были изящными и необычными. Одним словом, от нее невозможно было отвести глаз. Наверное, все это необычным было для меня именно тогда, так как потом, в Петербурге, я встречал немало женщин, которые были похожи на нее и манерами и речью. Вечером мы вместе поужинали в вагоне-ресторане. Она представилась княжной Лидией Новгородцевой. Она изящно пользовалась ножом и вилкой, и плавно вела беседу. Она не произносила слова прежде, чем не разжует и не проглотит пищу. Мне так нравилось смотреть на нее, что я даже забыл о еде. И к тому же я очень волновался: вдруг я что-нибудь сделаю не так, как учил меня дядя. Во время разговора с ней я еще раз убедился, что мой словарный запас в русском языке был весьма скудным, что тоже создавало определенные неудобства. Я боялся не понять ее и дать ей неправильные ответы на ее вопросы.

То, что я вырос не в княжеской семье, стало очевидным очень скоро. Меня выдали незнания правил поведения за столом, мое неумение пользоваться вилкой и ножом, да и кое-что еще. Лидия видела, мои мучения, но не подала виду, будто и не заметила ничего. За разговором капитан, как бы между прочим, стал рассказывать о том, что по традиции грузинские князья отдавали своих детей на воспитание в семьи своих крестьян, чтобы они чувствовали единство с народом, а манерам поведения они обучались уже позже, в зрелом возрасте. Есть в этом что-то глубинное и человеческое, все их древние традиции являются олицетворением человечности и доброты, – сказал он. Мне было приятно слышать, как капитан оправдывал мое нынешнее положение, и тут же он добавил: все грузинские цари росли и воспитывались в крестьянских семьях.

Лидия с улыбкой, и к тому же с терпением, слушала рассказ капитана. Потом она в свою очередь рассказала о сыне какого-то дворянина и под конец выразила свое желание принять участие в формировании и отшлифовке манер юного князя. Мой дядя был доволен. Раз два я заметил, как странно Лидия смотрела на моего дядю, а потом переводила взгляд на меня. Она будто хотела спросить о чем-то, но сдерживалась. Дядя почему-то представился ей Музой Музаловым и добавил, что они с капитаном выполняли лишь просьбу друга – князя Гоги Амиевреджиби, который попросил их отвезти его сына в Петербург на учебу в школу кадетов. Лидия вновь воспользовалась моментом и, когда все замолчали, спросила у дяди: Какая странная фамилия Амиевреджиби, никогда раньше не слышала.

– Амиевреджиби – это название должности одного из больших чиновников при царском дворе, помощника главного распорядителя по части наблюдения за правопорядком во время

пиршеств и застолий, а так же больших советов, которое позднее превратилось в фамилию – разъяснил ей дядя.

Я наострил уши. Лидия внимательно посмотрела на меня и чуть заметно улыбнулась.

– По нынешним понятиям эта должность соответствует должности заместителя министра внутренних дел, – продолжил мой дядя, – такому чиновнику непосредственно было поручено руководство разведкой и контрразведкой. В течение веков эта должность являлась родовой и передавалась по наследству самому достойному и подготовленному для этого дела представителю рода.

От удивления у меня отвисла челюсть: откуда мне было знать обо всем этом.

– Наверное, Сандро тоже придется продолжить семейную традицию, – с улыбкой сказала Лидия и, когда увидела мое удивленное лицо, красиво засмеялась, наверное, догадавшись, что я впервые об этом слышал.

Мой дядя, скорее всего, рассказал о происхождении фамилии Амiredжиби именно для меня, чтобы я знал, каким именем он меня нарек. Он будто намекал, с чем было связано наше совместное тайное путешествие. Не успел я сесть в поезд, как он превратил меня в другого человека. Купили мне форму гимназиста и вырядили в нее, хотя я никогда не учился в гимназии. Я погрузился в какой-то странный туман и чувствовал себя совсем другим человеком. Подобно кукле, мне сменили одежду и имя, а я не мог даже произнести ни единого слова. Но все это я оправдывал тем, что надо было скрыть ото всех то, что я натворил. Мне было неловко от такой роли, и я чувствовал себя неподготовленным актером. Я с детства ненавидел всякую фальшь и ложь и тут же догадывался, когда кто-нибудь смеялся или плакал напоказ. С малых лет я был степенным и наблюдательным мальчиком и не делал ничего неосмысленное, об этом знали все деревенские мальчики и девочки. Любил я и учиться, и читать книги, и ездить верхом на лошади. Конечно же, как и все дети, я шалил тоже, а как же иначе, но лишнего я не позволял себе никогда. Любил я и потрудиться. Маме я помогал всегда, будучи совсем маленьким, я помогал и папе, тому папе, которого прежде считал своим настоящим отцом. Никогда не отказывал в помощи и своим соседям.

Когда мы приехали в Пластунку, мне уже исполнилось пятнадцать лет. Деревня была большой, и там было много моих сверстников, в том числе и моих родственников. Я знал больше всех их и побороть мог каждого. Не только их, но и ребят постарше я мог положить на лопатки. Но никто не обижался на меня за то, что я был более бойким и проворным и в работе, и в борьбе, нежели они. Да, это было именно так, как я говорю. Я со всеми мог найти общий язык, никогда не спешил и во время беседы, я выслушивал всех и многому от них научился. Но сейчас, в новых обстоятельствах, мне было трудно сохранять уверенность в себе, и это волновало меня. Я очень хотел, с одной стороны, оправдать доверие и надежды моего дяди, а с другой, – не потерять ту перспективу, которая появилась у меня – получить образование в Петербурге и начать новую жизнь.

В купе Лидия попросила меня снять с полки саквояж, и я догадался, что она собиралась переодеться. Я снял саквояж и вышел, в коридор. Было уже поздно, но еще не стемнело, наступала светлая летняя ночь. Погруженные в светлых сумерках полятерялись где-то вдали за горизонтом. Смотрел я в эту необъятную даль и думал: как необъятна эта страна и как она разнообразна!

Сравнивал, какая из них красивее – моя деревня, мои горы и равнины или та страна, что расстилалась передо мной. Но не мог найти ответа, ибо, обе они были неповторимо красивы, и не стоило сравнивать их между собой.

Из соседнего купе вышел мой дядя. Видимо, он сразу догадался, почему я стоял в коридоре и чуть улыбнулся. Мы долго беседовали. Он старался объяснить мне, почему мне необходимо было уехать и назваться по-новому. Я все понимал, не существовало такого аргумента, в котором я мог бы засомневаться или с которым я мог бы не согласиться, хотя самого болез-

ненно он не коснулся, будто его и не существовало. Наверное, он хотел, чтобы я забыл об этом. Потом он сказал: «Встречаться часто мы не сможем, моя служба не дает мне такой возможности. Но я постараюсь не оставлять тебя без внимания и, как только появится возможность, навешу тебя. Конечно же, я помогу тебе, но ты и сам должен постараться найти своё место под солнцем. Подготовься к тому, что тебе придется жить самостоятельно.» Чувствовалось, что он все знал обо мне, как я учился или как себя вел. «Парень ты умный, тебе нетрудно будет учиться и общаться с курсантами. Возможно, тебе будет немного трудно, пока ты лучше освоишь язык и привыкнешь к новым правилам. Но когда ты освоишься, станет намного легче. Мне тоже было нелегко в первые месяцы после моего перевода в Петербург. Очень сложно разобратся на новом месте, кто тебе друг, кто – враг, поэтому надо быть крайне осторожным».

Вернулся я в купе поздно. Свет был погашен. Из окна в купе проникал слабый свет. Из чуть открытого окна веяло приятной ночной прохладой. Я почувствовал запах духов, все это было настолько непривычным для меня, что я стоял растерянный в темноте, и не знал что делать, раздеваться или ложиться спать в одежде. Я был скован этими мыслями. Потом я присел на постель и снова стал смотреть в окно между занавесками, будто я мог что-нибудь там увидеть. Я немного привык к темноте в купе и невольно взглянул на постель Лидии. Хотя в купе было жарко, она была до подбородка укрыта белой простыней, но контуры ее тела вырисовывались отчетливо. Я думал, что она спит, но невольно встретился с ее взглядом и немного смутился. Она спросила, почему я не ложусь. Сказала, что уже поздно и посоветовала раздеться и лечь, и тут же добавила, что постель застлана, и надо лишь откинуть простыню и, что если мне неудобно, то она отвернется к стене.

Эти слова заставили меня прийти в себя. Сама же она действительно повернулась лицом к стене. Я воспользовался этим моментом и быстро разделся. Как только я оказался под простыней, она сказала: «Очень жарко, может еще немного приоткрыть окно?». Я растерялся и не знал что делать, а она, заметив, что я медлю, продолжила: «Я не смотрю на тебя». Я встал, немного опустил окно, и тут она мне говорит: «Я хочу пить, может быть, ты нальешь мне немного лимонада?» Что мне оставалось делать? Я страшно волновался из-за такого необычного положения, думаю, что на моем месте и истинный князь пришел бы в волнение. Я хорошо видел бутылку на столе, дрожащей рукой я открыл ее и наполнил стакан. Никогда в жизни со мной такого еще не происходило. Когда я повернулся к ней, мне показалось, что она смотрела на меня с улыбкой. Я подал ей стакан, она немного приподнялась, будто смерила меня взглядом с ног до головы, взяла стакан и отпила немного, как мне показалось, она даже и не выпила и не отводила от меня взгляда. Я стоял ошеломленный и ждал, когда она вернет стакан обратно. У меня было единственно желание, поскорее залезть под простыню. Наконец она произнесла: «Спасибо, ты настоящий рыцарь, князь, но твои манеры рядом с дамой оставляют желать лучшего. Я научу тебя и помогу тебе стать настоящим рыцарем, чтобы все петербургские девушки мечтали только о тебе. Твои данные способствуют этому.» Вот так в трусах я стоял оцепеневший и замороженный слушал ее. Вдруг я пришел в себя, прыгнул в сторону моей койки и укрылся простыней. Она красиво рассмеялась, пожелав мне спокойной ночи. Я уж точно не помню, но, кажется, я тоже ответил ей.

Столько эмоций и впечатлений меня очень утомили, но от волнения я долго не смог уснуть. Утром, когда я проснулся, княжна уже оделась. Она, улыбаясь, поздоровалась со мной и вышла из купе.

И еще кое-что важное случилось во время моего путешествия, возможно для истории незначительное, но для меня лично весьма значимое. Мы миновали Воронеж и приближались к какой-то реке. После завтрака каждый из нас находился в своем купе. Я сидел на своей постели и рассматривал журнал, предложенный Лидией. До того я никогда не видел такого иллюстрированного иностранного журнала. Лидия дала мне его и сказала: посмотри как живут и одеваются люди в других странах. Наверно это было частицей ее желания научить меня манерам

поведения и развить во мне вкус. Она вошла в купе, закрыла за собой двери и стала смотреться в зеркало. В зеркало она смотрелась часто. Тогда я еще не знал, что у женщин есть такая привычка – часто поглядывать в зеркало. Она взяла свою сумку, которая лежала на маленькой полке над ее постелью, я посмотрел на нее именно тогда, когда она поднялась на цыпочки. Как раз в этот момент вагон сильно покачнулся и с ужасным скрежетом и шумом резко затормозил. Я ударился спиной о стенку, а Лидия с криком упала на мои колени. Чтобы помочь ей, я обхватил ее и мои руки оказались на ее груди. Торможение сопровождалось страшным скрежетом и паровозным гудком. Мы не могли сдвинуться с места. Она полностью лежала на меня, я же крепко вцепился в ее груди. Если бы она не упала на меня, то могла бы удариться головой. Изумленные, мы довольно долго находились в таком положении. Когда поезд остановился, крики и возгласы пассажиров все еще слышались в коридоре. Люди суетились: «Что случилось, что случилось? Какая-то авария, черт их побери!» – слышались голоса в коридоре. Мы даже не слышали, как кто-то постучал в дверь. В купе вошел встревоженный капитан Тонконогов и увидев нас в таком положении, с улыбкой спросил: Вы не ушиблись? – и протянул ей руку помощи. Лидия приподнялась и лишь тогда я отпустил ее.

– Благодаря Сандро я не ушиблась, а то могла бы и голову разбить! – Она встала, поправила платье и повернулась ко мне. – Спасибо, мой мальчик! Ты не ушибся? – Я покачал головой и привстал. – С тобой можно в разведку идти! Ты настоящий рыцарь! – Я покраснел от смущения. Всю жизнь помню этот безобидный эпизод. Сколько раз я вспоминал его в минуты невзгод и печали, и на душе сразу становилось легко и весело.

Как оказалось, рельсы были завалены бревнами и, во избежание возможной катастрофы, машинисту пришлось резко затормозить. Так и осталось неизвестным, во всяком случае для меня, каким образом бревна оказались на рельсах, но этот инцидент почти на целый день задержал наше путешествие.

Как только мы въехали в Петербург, мною овладело такое чувство, будто я попал в совсем иной мир. Мое спокойствие и самоуверенность сразу куда-то исчезли. Такое изобилие величественных и прекрасных зданий, столько людей и карет на мощеных улицах казались мне каким-то чудом. Мне нелегко будет описать все то, что я пережил тогда. Я чувствовал себя ничтожеством, маленьким муравьем, и утешало меня лишь то, что я находился рядом с такими важными людьми, и, к тому же, самым важным из них был мой дядя. В тот момент у меня появилось к нему огромное чувство благодарности и уважения, хотя до того я никогда его не видел и даже не слышал о нем ничего. Конечно же влияние тех четырех дней, которые мы провели вместе в дружеских беседах во время путешествия, были очевидными.

В экипаже моего дяди мы проводили княжну до ее дома в Фурштатском районе. О том, что это был за район я, конечно, узнал позже. В этом районе были построены очень красивые и богатые дома и, как я узнал позже, вся петербургская знать проживала именно там. Дядя с капитаном попрощались с Лидией и остались в карете, я же проводил ее до подъезда красивого дома. На лифте мы поднялись на третий этаж, и там, у дверей ее квартиры, я поставил чемоданы. Не скрою, мне было очень интересно узнать, как она живет. Она долго искала ключи в сумке, потом открыла два замка, отворила двери и я увидел большую приемную, а дальше – большую столовую комнату, отсюда больше ничего не было видно. Мы тут же попрощались, и, прежде чем уйти, она сказала мне: «Ты ведь не забудешь меня? А если позволишь, то и я как-нибудь навещу тебя в училище. Когда сможешь, приходи ко мне сам, чтобы продолжить начатое обучение. Потом она поцеловала меня в щеку, погладила по голове и отпустила.

Мы не поехали к дяде. Остановился я у капитана, не знаю почему, но без всяких объяснений дядя оставил меня у него. По нашим с ним беседам я сам должен был догадаться – почему. Я понял лишь одно – он не хотел показывать меня никому, так как он что-то задумал, но что именно – этого я не знал.

На третий день после приезда Тонконогов отвез меня в подготовительную группу кадетов Николаевского кавалерийского училища, расположенного на проспекте Лермонтова, где после короткого собеседования меня оставили в подготовительном пансионе. Уже через несколько минут после того, как я устроился, меня вывели на манеж, так как во время собеседования я заявил, что хорошо умею ездить на лошади, и там решили, не откладывая, устроить мне экзамен. Летом в училище было мало народу, так как пока еще продолжались летние каникулы. На манеже тренировались всего несколько офицеров и юнкеров.

Какой-то пожилой человек без мундира подвел ко мне кобылу. Я и сейчас помню, её кличку – «Коца». Красивая была кобыла. Я подошел к ней, погладил ее по шее и после того, как понял ее характер, спокойно и уверенно вскочил на нее. Мы сделали несколько кругов и сразу привыкли друг к другу. Капитан и старший адъютант начальника училища стояли у нижней трибуны, и я подъехал к ним. Я скромно спросил: Что я должен сделать? Поручик сказал мне «А ну-ка, скачи галопом.» Я поскакал, Коца повиновалась мне. Потом с круга я перешел в центр и перескочил через низкое препятствие. Прямо передо мной, я увидел валяющуюся на опилках плеть. Я высвободил одну ногу из стремени и, ухватившись за седло одной рукой, второй рукой поднял плеть. Затем выпрямился в седле и снова подъехал к ним. Оба они были довольны и улыбались. Да и другие смотрели на меня с удивлением. Плеть я подал капитану Тонконогову, я постеснялся передать ее поручику. Что мне еще сделать? – спросил я. Поручик засмеялся: – Все понятно, этот парень родился в седле. Пройди шагом несколько кругов и достаточно. Я был доволен и воодушевлен, мне хотелось сделать еще что-нибудь, но я тут же сдержал себя, так как не хотел злоупотреблять их вниманием. Я уже думал о том, как капитан расскажет моему дяде о выдержанном мною экзамене, и от этой мысли мне стало очень приятно на душе.

В течение месяца два учителя занимались со мной по русскому языку и естественным наукам, и уже осенью меня зачислили в класс, где учились курсанты на год старше меня, так как для мальчиков моего возраста в училище класса не было. Таких маленьких по возрасту мальчиков как я, было всего несколько человек, и их тем летом же зачислили в класс.

ЛИДИЯ НОВГОРОДЦЕВА

Мне было двадцать лет, когда наша группа провалилась. По роду своей деятельности я заранее свыклась с мыслью о том, что, если меня поймут, то мне не избежать серьезного наказания, что меня посадят в тюрьму на несколько лет, а потом отправят в ссылку. Женщин на каторгу не ссылали, такое случалось крайне редко, поэтому такого опасения у меня не было.

Первая революция уже входила в активную фазу, поэтому жандармерия безжалостно боролась с нами. Вот уже два года я активно была включена в организационную группу регионального комитета партии социалистов-революционеров – эсеров. Выполняла я много рискованных поручений: перевозила деньги и запрещенную литературу, распространяла революционный агитационный материал, а если было нужно, то расклеивала листовки в местах скопления людей и на улицах. Пришлось мне несколько раз перевозить и динамит. Я пользовалась большим доверием и среди друзей, и в региональном комитете.

В одесский порт вошел французский корабль. На нем прибыл курьер который привез нам целый чемодан с деньгами и запрещенной литературой. Мне было поручено встретить его. В зале ожидания мужчина передал мне красивую сумку, в которой лежали деньгами триста тысяч рублей и запрещенная литература. В тот же день через несколько часов я отправилась на пароходев Батуми, Так как этот рейс считался местным, проходить через таможню было не обязательно. Я впервые ехала в Батуми, но совсем не волновалась. В течение этих двух лет я побывала в стольких городах, что уже привыкла к перевозу запрещенной литературы. В Батуми я должна была передать сумку другому курьеру и вернуться обратно. Я уже научилась различать среди людей подозрительных лиц, и это мне помогало быстро почуять возможную опасность. В порту я заметила женщину, ее провожал полковник, Я старалась держаться, зная, что таких дам меньше всего тревожат проверками. Все шло благополучно, никто не обращал на меня внимания, да и я не заметила ничего подозрительного. В Батуми мы прибыли без всяких приключений. Здесь же в порту я передала сумку по назначению и направилась в город в гостиницу. Мне было очень интересно осмотреть город. Пароход возвращался обратно в Одессу на второй день, так что времени у меня было более, чем достаточно. Я уже давно мечтала побывать в Грузии, именно поэтому я и вызвалась доставить багажв Батуми.

Из города я вернулась уставшей. Я отдыхала в своем номере, когда за мной пришли и арестовали меня. Я поняла, что провалилась, но держалась хорошо и виду не подавала. После первого допроса, увидев, что от меня ничего не добьешься, они заперли меня в одиночную камеру, мол подумай до завтра. Ни крики, ни угрозы о том, что я буду жаловаться не дали никаких результатов. Лишь наутро вывели из камеры и повели к следователю. Я оказалась в просторной комнате, где стояли два стола, а перед ними по два стула. После того, как меня усадили, в комнату вошел следователь и стал меня снова допрашивать, будто вчера он не задавал мне этих вопросов, и я не отвечала на них. Сердце мое сжалось, когда в комнату ввели мужчину, которому я передала сумку. Они посадили его передо мной и уже в его присутствии стали задавать мне те же вопросы. Потом они спросили меня, знаю ли я этого человека, я, конечно же, все отрицала. После моего ответа они обратились с вопросами уже к нему: знает ли он меня, и кто передал ему сумку. Он долго сидел, опустив голову, у меня уже появилось плохое предчувствие. Я догадалась, что он выдаст меня, но сохраняла спокойствие. И когда следователь зарычал на него: мол, чего ты молчишь. Тот ответил, что он знаком со мной, и что именно я передала ему сумку.

Сейчас-то я знаю, кто из комитета выдал нас, но я и представить себе не могла, что этот рьяный революционер мог быть агентом жандармерии. Но честно говоря, мы тоже совершали много ошибок. Мы так были одержимы азартом революционной деятельности и своей значимостью в этом деле, что часто оценивали своих соратников лишь по тому, кто из них предлагал

комитету более рискованное дело или подготовленную операцию, или кто из них был более пламенным оратором и мог лучше других хвастаться. Тех же, кто призывал нас к бдительности и рассудительности, из-за излишней, как нам казалось, их осторожности, мы считали если не трусами, то Фомой неверующим а уж тормозом революции – это уж точно. Сегодня я абсолютно уверена, что те террористические акты, которые провалились или были осуществлены, но безуспешно, были подброшены нам именно внедренными агентами. Но что поделаешь, если опыт революционера проходит через тюрьмы и Сибирь, а не через университетские и гимназические парты.

Оказывается, про всех нас, кто осуществлял самые рискованные операции, жандармерия знала все до мелочей. Мы же, чем легче справлялись с заданиями, тем больше нагтели. В комитете меня все знали как Валентину Костину, но я вам еще не сказала, что на самом деле я не была ни Валентиной Костиной, ни Лидией Новгородцевой, этот псевдоним по моему же предложению мне подарил «Муза Сатаны», именно так называли моего шефа его коллеги, но и об этом я узнала намного позже.

Мой отец – Григорий Наумович Танеев был доктором, маму звали Ксенией Николаевной Кутаисской. Ее мать была по фамилии Джавахишвили. От своих предков она унаследовала грузинские корни, но была уже обрусевшей, а потом в их роду появилась примесь украинской и польской кровей.

От мамы я очень много знала о ее предках, особенно она любила рассказывать о них, когда мы приезжали из Полтавы в Миргород.

Оказывается, в первой половине XVIII века, императрица Анна Иоанновна поселила в Малороссии тех грузинских князей, которые получили подданство Российской Империи. За их заслуги на военной службе, она пожаловала им земли вместе с крепостными. Кому-то досталось тридцать, а кому-то и сорок дворов. В Полтаве и Миргороде находились имения Гурамишвили, Гуриели, Андроникашвили, Бараташвили, Ратишвили, Джавахишвили, Джапаридзе, Орбелиани, Церетели, Шаликашвили, и многих других, Всех их, я конечно, не помню. Эти фамилии мне были знакомы с детства, а их портреты украшали стены гостиной в доме моего деда.

Прадедом отца моей мамы был грузинский поэт Давид Гурамишвили. На одной из его дочерей женился грузинский генерал Каихосро Ратишвили, имения которого также находились в Миргороде. Нашему предку – Давиду Гурамишвили достались имения в Миргороде и деревне Зубовке, всего сорок три двора, но земли здесь были скудными и неплодородными. Как иногда говорила моя мама, «Он был поэтом и весьма нерасторопным человеком, поэтому и достались ему такие земли, да и эти земли в Зубовке он раздал тем, кто состоял в его свите. По причине своей неловкости и нерасторопности он всю жизнь провел в нужде». И все же поэт прожил дольше всех, он пережил даже своих детей и сам похоронил их.

Со временем, все эти дворяне настолько породнились между собой, что уже трудно было разобрать кто кому приходился родственником. Я только помню, что нам родственниками приходились Ратишвили, Джавахишвили и Шаликашвили. У нас дома были даже их портреты. Вот откуда идут наши корни. Может быть именно оттуда и берет начало моя любовь к искусству и театру, любовь ко всему эстетическому, включая предметы, и человеческие отношения. Я с детства писала стихи и мечтала стать поэтом. Во мне всегда кипела грузинская кровь, она всегда звала меня на юг. К сожалению, в отличие от мамы, я плохо знала грузинский язык. Почему-то с самого детства я была уверена, что моим мужем должен был быть грузинский князь. Но это была лишь детская мечта, когда я еще играла в куклы. Как показала жизнь, порой даже такое невинное детское воображение оказывает свое воздействие на судьбу человека. Мы жили в Полтаве, а в Миргороде у нас был старый дом, да еще и земли в Зубовке, но туда мы приезжали крайне редко. Присматривать за всем этим хозяйством было некому, так все и было брошено на произвол судьбы. Позднее, когда мне пришлось скрываться от жандармов в тече-

ние нескольких месяцев, именно в этом доме я и провела все это время. Я была Тamarой Таневой, но с годами я так привыкла к своему псевдониму, что Тамара Танеева мне напоминала лишь какую-то знакомую девочку.

Да, так вот о чем я говорила: у моего отца был один пациент. Это был мужчина в возрасте, дворянин, генерал Николай Николаевич Новгородцев. Он даже подписывался тремя «Н». Впоследствии я тоже подписывалась также. У этого генерала от второго брака была дочь Лидия Новгородцева, которая была моего возраста, может быть года на два старше, Я с детства хорошо была знакома с ней и часто бывала у них в доме. В один прекрасный день Лидия сбежала за границу с каким-то торговцем, кажется, он был греком и после этого не появлялась. Поэтому, когда у меня возникла необходимость взять себе новый псевдоним, я сказала о своем отношении Музе. Он долго смеялся, но согласился. Он даже принес откуда-то документы Лидии и передал их мне. Да, я забыла сказать, что произошло до того. Когда в присутствии следователя тот человек указал на меня и сказал, что я передала ему сумку, а потом он передал ее тому-то и тому-то, я посмотрела ему прямо в глаза. Он не выдержал моего взгляда и опустил голову. Я воспользовалась этим моментом, схватила со стола тяжелый бронзовый бювар и изо всех сил ударила его по голове. Он без сознания упал со стула. С разбитой головой он лежал на полу. Когда я увидела кровь, мне стало дурно, но сознания я не потеряла. Все бросились ко мне и тут же связали. От того, что руки мои были связаны, мне стало еще хуже. Когда его вынесли из комнаты, следователь сказал: «Что ты наделала, ты убила человека!» «К сожалению ваши агенты так легко не умирают, а клеветать не позволю никому» – был мой ответ. И лишь после этого я увидела человека, который с большим вниманием спокойно смотрел на меня. У него было приятное лицо, голубые глаза, и я тут же догадалась, что он должен был быть грузином. Он попросил всех выйти из комнаты, сам развязал мне руки, налил воды и протянул белоснежный платок. Какое-то время он ходил по комнате взад-вперед, не издавая ни единого звука. Я, было, уже растерялась, так как в течение пятнадцати минут назло ему я тоже молчала, но иногда я исподтишка поглядывала на него, и нравился он мне все больше и больше. «Какой хороший тип, как бы было хорошо, если бы он не оказался полицейским» – думала я про себя. Я вам еще не сказала, что с детства я ненавидела полицейских. Это была заслуга моего отца. «Дармоеды, – слышала я от него с детства, – постоянно роются в чужих карманах. Своего ничего создать не могут, и никогда не создадут, так как они рождены только для того, чтобы смотреть в чужие руки. Они всегда находятся в ожидании, что им кто-то подбросит что-нибудь, а если не так, то вымогают любыми вероломными путями. Если они что и делают для страны, то в десять раз больше – для своего кармана. Они ненавидят всех умных и деловых людей, так как завидуют им, и только и думают как бы навредить им. Если бы не врачебная клятва, я бы даже лечить их отказался». И мой отец был прав. За что их любить-то. Они чаще других совершают преступления, да и первыми взяточниками являются именно они. Нет, когда я смотрела на этого мужчину, он оставлял совсем другое впечатление и по особому располагал к себе. Наконец я не выдержала долгого молчания, он уже двадцать минут ходил взад-вперед и не говорил ничего.

– Спросите, если вас что-нибудь интересует, – обратилась я к нему дружеским тоном.

Он улыбнулся. Нет, не то чтобы улыбнулся, сначала он бросил на меня взгляд своих голубых очей, и лишь потом его лицо озарилось улыбкой. Такая улыбка – особенная и отличается от обычной. Он рукой показал мне, чтобы я следовала за ним. Потом он открыл двери и вышел, я последовала за ним. Как только мы вошли в другую комнату, все кто там находился, увидев его, вскочили со своих мест. Я осмелела. «Если его все так боятся, а он ко мне так благосклонен, то какое дело этим пигмеям до меня? Что они сделают со мной? Сажать или отпускать не их ума дело.» – так думала я и еще смелее последовала за ним. У дверей я повернулась и бросила на них такой взгляд, будто они были измазаны чем-то.

Мы поднялись на второй этаж, из приемной мы вошли в кабинет, где за большим столом сидел мужчина, кажется, начальник полиции. Он попросил этого начальника уступить ему кабинет на некоторое время и тот тут же встал и вышел. Он указал мне на диван, куда я должна была сесть. Потом спросил: Вы наверно сегодня не завтракали, не так ли? – в знак согласия, немного стесняясь, я кивнула ему головой. Он вышел в приемную, поговорил кем-то и снова вошел. Он сел в глубокое кресло, вновь улыбнулся своей очаровательной мужественной улыбкой и спросил: Ну, что будем делать? Я беспомощно приподняла плечи, ну что я могла сказать? Мы долго беседовали, потом позавтракали, хотя уже было время обедать, потом продолжили беседу. Оказалось, что про меня он все знал, да и не только про меня, а обо всем нашем комитете. Что я могу вам сказать? С таким мужчиной я раньше не беседовала и не то, что не разговаривала, даже не встречалась никогда. Я влюбилась. «К черту всю эту революцию, ради чего я всем жертвую?! Как можно достичь чего-нибудь, когда вокруг столько замаскированных предателей и агентов?» – думала я.

Мы, наверное, говорили бы еще долго, если бы в комнату не заглянул хозяин кабинета и не сообщил, что моего собеседника кто-то ожидает. Он попрощался со мной: «Иди в гостиницу, – сказал он, – а завтра в одиннадцать мы снова встретимся.» Я даже не удивилась его предложению и была очень рада, что завтра вновь встречу с ним. В гостиницу он меня отправил своим экипажем. Представьте себе мое состояние. Я не спала всю ночь, вспоминала наш разговор и прокручивала в голове те фразы из нашей беседы, которые касались моего будущего. О побеге я и не думала. Если бы меня даже насильно заставил кто-нибудь покинуть город я бы ни в коем случае не сделала этого, не повидавшись с ним еще раз. Кое-как я уснула. Наутро я так волновалась, будто опаздывала на свидание к любимому. Я вам еще не сказала, что до этого я никогда никого не любила. В гимназии я любила одного мальчика еврея, но это было совсем не то. Мне было уже двадцать лет, а из-за этой революции у меня не оставалось времени на любовь и мужчин. Да и, честно говоря, из тех, кто меня окружали, мне никто и не нравился. Правда, были и такие, которые вроде бы, и привлекали меня характером и смелостью, но, раз я стала революционеркой, то я и думать перестала о любви и замужестве. У всех наших девушек был такой настрой, будто все они готовились к тюрьмам и ссылкам, а если и встретили бы свою судьбу, то это должно было случиться именно в ссылке. Короче говоря, революционный романтизм был спутником нашей жизни. А как иначе можно назвать это.

На следующий день, в половине одиннадцатого, когда я вышла из гостиницы, меня ждал все тот же экипаж. Про себя я подумала: оказывается, у меня действительно свидание. Но вы и представить себе не сможете, да, действительно, не сможете, что в экипаже сидел он сам. Представляете, он столько времени сидел и ждал меня. Его лучезарная улыбка вновь поразила меня. Он подал мне руку и помог подняться в экипаж. Если бы в эту минуту он сказал, что отправляет меня в каторгу в Сибирь или на Сахалин, я бы ни за что не воспротивилась, и была бы даже благодарна ему. Какая же женщина, если она в своем уме, смогла бы отказать такому мужчине! Через два дня мы поехали в Тифлис. Я не знаю как он уладил мои дела и какими аргументами он воспользовался при этом. Но когда он сообщил мне о предстоящей поездке в Тифлис, я была на седьмом небе от радости. Ведь я и до того всегда мечтала попасть в Тифлис, и надеялась, что благодаря моей революционной деятельности, эта мечта когда-нибудь осуществится, и вот она сбылась. Я не знала, что он собирается делать со мной или какие у него были намерения в отношении меня, но по правде говоря, я и не утруждала себя мыслями об этом. Я полностью доверилась ему и судьбе. Было бесспорно, что это было намного лучше Сибири или ссылки, да и стоило ли сравнивать их.

В Тифлисе я жила на конспиративной квартире. Он выделил мне фэтон, чтобы я могла хорошо осмотреть и изучить город. Он приходил почти каждый день, много говорил со мной, давал наставления и выслушивал мои соображения. Но я все время ждала, когда же наконец он прикаснется ко мне. Я томилась от ожидания, но мне приходилось довольствоваться его

прекрасной улыбкой или каким-нибудь комплиментом, все остальное время мы проводили в беседах. Он так красиво говорил, что от него невозможно было оторвать слух, его речь была аргументированной и убедительной, что словами, что интонацией. Он серьезно готовил меня к новой жизни. Как-то он сказал: «Если ты будешь пригодна к работе со мной, то я оставлю тебя у себя, и ты будешь работать на меня, в противном случае я отправлю тебя домой.» Как я могла упустить такой шанс – быть рядом с ним и стать нужным ему человеком! Тогда и было решено взять псевдоним Новгородцевой.

Однажды он отправил меня, вместе с одной знакомой женщиной, во французский салон подобрать и купить там все, что мне было необходимо. Перед этим он сказал мне: «Постарайся поближе познакомиться с хозяйкой салона и войти к ней в доверие.» Он дал мне несколько нужных советов о том, в каком направлении мне вести разговор, если мне вдруг представится такая возможность. Хозяйкой французского салона женского белья была некая мадмуазель Жанет де Ламье. Она была женщиной красивой, намного старше меня, по меньшей мере лет на пятнадцать, и, к тому же, мудрая, как змея. Разговаривала она завораживающе, даже нежелающий что-нибудь купить у нее клиент не мог уйти от нее с пустыми руками. Когда она узнала, что я из дворянской семьи, дочь генерала, и что наша семья имела большие знакомства в военных кругах, а мой отец имел большие заслуги перед Императорской семьей, то после всего этого она сама стала всячески стараться наладить близкие отношения со мной. Мне даже не пришлось проявлять активность: главное было не мешать ей в ее попытках. Я купила один комплект женского белья, а она мне подарила ещё три, да таких дорогих, что я была крайне удивлена. Конечно же, мы подружились. Она была умна, но и я не была дурочкой. В салоне у нее было много гостей, а она долго не отпускала меня. Создавалось такое впечатление, будто все женщины знатных семей собирались у нее в салоне. За лавкой у нее была расположена большая и красиво обставленная гостиная. Сюда приходили не столько за покупками, сколько поговорить, посплетничать и убить время. Прислуга не успевала приносить и уносить кофейные чашки. За полдня я услышала столько всякой информации, то ли правды, то ли вымысла, что, если бы я могла воспользоваться всем этим, то могла бы завладеть всем городом. Она попросила меня зайти к ней и на второй день, дай мне делать было нечего, поэтому я приняла ее приглашение и сказала, что завтра я должна навестить родственников, а во второй половине дня я обязательно найду к ней.

Когда я рассказала моему шефу о тех новостях, которые я там услышала, он долго смеялся. Смеялся он от всего сердца, и смех его был по-настоящему мужским и красивым. Нет, я очень любила его, поэтому мне все нравилось в нем. Он остался так доволен моим первым днем на новом поприще, что впервые поцеловал меня в щеку. Да, всего лишь в щеку, но главным было начало. Я знала и была уверена, что это был не последний его поцелуй.

Я пробыла в Тифлисе больше месяца и почти каждый день встречалась с Жанет де Ламье, а потом подробно записывала все, о чем мы с ней говорили. Часто это выходило немного путано, как сейчас, но что поделаешь, так уж у меня получается. Зато в деле я последовательна, и к тому же исполняла все в точности так, как учил меня мой наставник. За несколько дней я познакомилась со многими людьми, с некоторыми настолько близко, что побывала у них в гостях и то, что я слышала там, также подробно записывала, да еще и с большим удовольствием. И, когда мой наставник на несколько дней пропал неизвестно куда, я не теряла времени даром.

Из того, что я рассказала Жанет де Ламье, ее заинтересовали два факта. Первое – это то, что сын заместителя военного министра был в меня влюблен и хотел жениться на мне. Узнав об этом, мадмуазель Жанет де Ламье чуть не сошла с ума: «Не упускай из рук эту партию» – советовала она. И чем больше я притворялась, что не люблю его, тем больше она теряла терпение: «Нив коем случае! Тот, кого ты по-настоящему полюбишь, будет твоим любовником, а замуж выходи только за него.» – говорила она азартно. Мы подружились настолько, что могли

говорить обо всем и на любую тему. Во второй раз она выразила свою особую заинтересованность, когда я, как бы между прочим, сказала, чтобы было бы неплохо открыть такой же салон в Петербурге и собрать там своих друзей. Она настолько увлеклась этой идеей, что пообещала мне помочь с этим делом. Она уже составляла планы о том, как она отвезет меня в Париж, как познакомит меня со своей фирмой, и как они помогут мне со всем справиться. Мы даже договорились, когда поедем вместе в Париж. Ей надо было обновить товар к новому сезону и заодно мы смогли бы прояснить вопрос моим салоном.

Однажды вечером ко мне пришел мой шеф, его не было уже целую неделю, и я ему рассказала обо всех новостях за все время его отсутствия. Он перечитал все, что у меня было записано, сложил листы, положил в карман и спросил:

– Как, по-твоему, кто такая мадмуазель Жанет де Ламье, кого она из себя представляет?

У меня к тому времени уже сложилось свое мнение о ней, и я прямо ответила:

– Она должна быть шпионкой Франции.

Он засмеялся.

– На каком основании ты делаешь такое заключение?

– Исходя из того, какие она задает вопросы и что ее интересует больше всего. Какую тему или какие сплетни, переделанные ею же самой она подбрасывает во время всеобщих бесед или бесед каждой из нас, или что еще хуже, она сама распространяет среди женщин ею же выдуманные и красиво упакованные новые сплетни, чтобы потом они были подхвачены и распространены повсюду. Она может несколько раз завести разговор на одну и ту же тему с совершенно разными людьми. Если бы это не входило в ее интересы, что заставило бы ее говорить об одном и том же целый день? И все это лишь потому, чтобы кто-то невзначай сказал что-нибудь новое. Ведь никто не знает, что она о том же самом говорила и с другими, а возможно и несколько иначе. Я несколько раз была свидетелем такого разговора. И еще... – я немного помедлила, думала, стоило ли приводить эти аргументы. – Темы, которые ей подбрасывала во время наших разговоров, она заглывала целиком, так сильно это ее интересовало.

Мой наставник с удовольствием смеялся.

– Тогда скажи мне вот что, если она действительно шпионка, то против кого работает мадмуазель Жанет де Ламье?

– Понятно против кого, против Российской Империи. Хотя я и революционерка, но... – тут я немного запнулась, то есть, была, но патриот своей страны, – сказала я с гордостью.

И тут он во второй раз обнял и поцеловал меня. Вы и представить себе не можете, какое тепло я почувствовала от него тогда.

Я бы и глазом не моргнув, без слов выполнила бы все о чем он попросил, даже если бы он приказал мне подложить бомбу в салон мадмуазель Жанет де Ламье или выстрелить ей прямо в голову. Вот так я и начала работать с ним, в качестве его специального агента по личным поручениям.

ИЗ ДНЕВНИКОВ ЮРИЯ ТОНКОНОГОВА

Конечно же, своего начальника следует уважать. К этому тебя обязывает и служебный устав, и субординация. Также тебя обязывает к этому семейное воспитание и традиции уважения к старшим по возрасту, но одно дело, когда тебя обязывают, и совсем другое, – когда чувство уважения в отношении своего руководителя возникает у тебя самого – чувство уважения не к его должности, а почтительное отношение к самой личности, занимающей эту должность. Если все сложится именно так, то человек будет служить не с тем почтением, к которому обязывает его служба, а постарается, чтобы его труд был увиден и оценен почитаемым им человеком и личностью. И все это не для того, чтобы ему повысили зарплату, выписали премию или продвинули вперед по службе на целую или полступени! Нет, это не самое главное, здесь главное то, что каждый человек стремится к тому, чтобы его труд был оценен по достоинству. Чтобы дома его труд ценили члены его семьи, а на работе – его сотрудники, в особенности же его начальник, поручения которого ему надлежит исполнять. Что же определяет твое уважительное отношение к начальнику? Надо суметь признаться себе, да еще так, чтобы не стыдиться и суметь отмежевать его должность и личность. Если ты его уважаешь из-за занимаемой им должности, тогда рассуждать о чем-либо не имеет смысла. Не имеет значения и то, купил он эту должность или она была ему дарована из-за его родовитости, заслуг его родителей или предков. Возможно еще, что он проявил такое раболепство в отношении своего руководителя, что не оставил ему иного пути. И вот еще одно, никто не сможет сосчитать причин, благодаря которым твой начальник занял свое начальственное место. Считай, что тебе повезло, если тебе не приходится притворяться, что уважаешь своего начальника, как это часто повсюду бывает на службе. Если ты и вправду, от чистого сердца можешь совместить выполнение служебных дел с уважением к своему начальнику, это действительно большое везение, и в этом я не раз убеждался. Я назвал это везением. Почему? – спросите вы. Да потому, что всякое уважение к коллегам, в том числе и преимущественно к начальнику, обусловлено его профессионализмом. А потом уже и его личными качествами, искусством общения с людьми, и конечно же, такими отношениями со своими подчиненными, благодаря которым у остальных возникает искреннее желание служить добросовестно. (Юра, какое у тебя получилось большое вступление, как видно, у тебя много свободного времени...)

О моем новом начальнике я могу сказать именно то, что желание добросовестно служить, которого у меня и без того было в избытке, усилилось еще больше и, кроме того, приобрело истинные элементы творчества. Да, оно разбудило во мне именно стремление к творчеству и заставило меня взглянуть на свои служебные обязанности совсем по-другому. (Юра, давай покороче. – Хорошо, постараюсь...) На меня, да и не только на меня подействовало и то, что его назначение начальником нашего управления, произошло не из-за его благородного происхождения или в результате каких-то происков, а в результате его борьбы с безнравственностью и невежеством вышестоящего лица. Его перевод с одного поста на другой больше походил на компромисс, поэтому это назначение было встречено его подчиненными даже с радостью, так как о нем мы и без того уже хорошо знали. (Это уже ничего!)

На первом же совещании он признался, что был мало знаком со спецификой дел нашего управления, но обещал, что с нашей помощью он постарается поскорее разобраться и усвоить все. Между его бывшей работой и нашей службой была та разница, что его предыдущая работа была ориентирована на безопасность и стабильность внутривнутриполитических процессов. В его обязанности входило выявление и пресечение действий против Империи со стороны политических партий, тайных сил и террористических организаций, внедрение агентуры, проведение превентивных мер и многое другое. Наша же служба занималась тем же самым, но с резидентами других стран и их агентурой.

(А разве оправдано писать такие дневники? – А почему бы и нет, ведь я пишу их для себя, чтобы в будущем вспомнить о многом).

Я очень скоро заметил и удивился тому, что все, за что бы ни брался мой начальник, он делал это с большим удовольствием. И в нас он создавал такое же настроение, чтобы и мы с удовольствием и радостью, почти играючи, делали свои дела, чтобы именно в это время включались в дело наши творческие способности. Такое настроение он сохранял до окончания любого дела, и нас тоже подталкивал к этому. Уже тогда у меня создалось впечатление о нем, как об умном и даже мудром человеке. Такой подход к делу был неопровержимым показателем его ума и мудрости, что и подтвердилось со временем. От моего отца я когда-то слышал, что китайские философы, когда рассуждали о сложнейших вопросах, действовали именно так, и в приятной игре находили истину. (Юра, вот посмотри, как много ты написал и ни одним словом не назвал того, о ком говоришь. – Называть его по имени совсем не обязательно, ведь я пишу не для кого-нибудь. И к тому же, исходя из рода моего занятия, лишняя осторожность не помешает. Железный аргумент, не так ли? Что скажешь?!)

Когда его назначили начальником нашего Управления (да, я забыл сказать, что до этого времени, начальником контрразведки никогда не назначали грузина. Поэтому его назначение, само по себе неординарным явлением в истории нашей службы. Спустя несколько месяцев я заметил, что он скрытно соперничал с графом – его начальником и наставником. Своим разговором или действиями, он конечно же, не проявлял этого, но я чувствовал это и даже нашел тому оправдание, так как каждый ученик должен пытаться достичь высот своего учителя, а уже потом подумать и о своих собственных достижениях. Это чувство соперничества передалось и мне. Казалось, что он даже подстрекал меня, чтобы я со своей стороны тоже соперничал с ним. Конечно же, речь идет об интеллектуальном поединке, а не о чем-нибудь другом. Именно это я и ценю в этом человеке, так как он вселял меня веру в собственные силы. Вот и у меня, как это происходит большинством из нас, создалось очень высокое мнение о себе. И раз уж он меня подстрекал к этому, то я действительно поверил, что могу соперничать с ним. Его же собственными стараниями я стал настолько уверенным в своих возможностях что после нескольких успешных операций, которые я спланировал и осуществил по его поручению, я счел их шедеврами нашей деятельности. Он даже похвалил меня и дал мне новое задание, которое я должен был осуществить самостоятельно. Это послужило еще большим стимулом для меня. Но спустя некоторое время, я отчетливее увидел, насколько тривиальны были мои действия. Они и в подметки не годились тем, что называли шедеврами контрразведки. Когда мне была дана возможность сравнить то, что я самостоятельно подготовил и осуществил с тем, что было сделано тот же период моим начальником, моя работа показалась мне совершенно безликим ремеслом. Но я сказал себе, что не махну на все рукой и оправдаю его доверие. (Юра, самокритика способствует лишь творческому росту!)

Как только он перешел работать в наше Управление, в отличие от старого начальника, он ввел следующее правило: отныне он обязательно приглашал кого-нибудь из сотрудников присутствовать при допросе, который он вел. Этим он хотел показать, как надлежит в дальнейшем вести работу с этим подозреваемым. Много раз я присутствовал при допросе задержанного, подозреваемого или заключенного. Бывало и так, что я начинал допрос, а потом на каком-то этапе он подключался к нему. Во время допроса он бывал и жестким, и мягким, и гибким, и равным, и дружным, и циничным, бывал он и строгим, но непристойным – никогда, он никогда, независимо от его статуса, он не оскорбил ни одного подозреваемого, не припоминаю я и случая, когда он унизил кого-нибудь, ибо таких следователей он считал людьми низкого уровня, и невежественными сотрудниками. У него я действительно многому научился. Для осуществления сложных дел он разработал главный принцип. – Если хочешь не провалить операцию, она должна быть очень простой, максимально простой по своей сути, плану и исполнению. И самое главное, чтобы тебя никто не подвел в деле, ты должен быть единоличным исполнителем всего,

то есть ответственным за все на всех участках дела, от начала до конца. Чужой не выдаст, не подведет и не испортит дело, это может сделать лишь свой.

Я часто думал об этом человеке, еще с тех времен, как он стал моим начальником в Тифлисе. Именно поэтому и сложилось у меня четкое представление о нем. Если он был благоклонен к кому-либо, то всегда от всего сердца выражал это. С первых же дней нашего знакомства я почувствовал от него именно такое отношение ко мне. Это расположение чувствовалось во всем, и в наших беседах, и в тех делах, которые он мне доверял. Он открыто высказывал свое мнение о некоторых личностях, часто и такое, которым можно делиться лишь с очень близким тебе человеком или доверенным лицом. Именно благодаря таким беседам он давал мне понять, что доверяет мне и это наполняло меня новыми силами и намного повышало мою работоспособность. В свою очередь, я отвечал ему тем же. Именно такие наши отношения определили и то, что, когда в управлении распространились слухи о том, что его переводят в Петербург, то это настолько сильно подействовало на меня, что я позволил себе спросить его: «Насколько верны слухи, которые ходят по поводу Вашего перевода?» Он рассмеялся и сказал: «Вы опередили меня, я сам должен был вам об этом сказать. Если этот вопрос будет действительно решен, то я бы хотел предложить вам работать со мной в Петербурге.» Я был удивлен и польщен этим предложением, но в первую очередь я был рад тому, что не лишился такого начальника. В силу очень многих причин подобная потеря была бы для меня действительно очень болезненна. Я ведь многому научился у него, и к тому же за такой короткий срок, да и ни с кем из моих прежних начальников у меня не было таких отношений, построенных на взаимоуважении. (Здесь я действительно согласен с тобой, тебе правда повезло, но было бы хорошо, если бы этот дневник случайно не попал в его руки, в противном случае в ваших отношениях все может измениться).

Нам много раз приходилось вместе бывать в командировках, но часто случалось и так, что мы не видели друг друга по несколько недель подряд. В таком режиме нам приходилось работать в Тифлисе. Поэтому свободного времени для доверительных бесед у нас было немного. В основном мы были заняты рассмотрением служебных дел. Как-то однажды во время беседы, так уж получилось, он мне рассказал вот что:

«В нижнее звено партии социал-революционеров Тифлиса, которое активно работало с рабочими нескольких заводов, надо было внедрить человека, который должен был стать особо доверенным лицом, а потом с его помощью мы должны были выйти на террористические группировки. Для этого на одном из митингов, который устраивали рабочие заводов под руководством эсеров, надо было взять под стражу одного из эсеровских координаторов и поместить его в одну камеру с моим агентом. По всей вероятности, в такой обстановке их отношения должны были стать более тесными и доверительными.

Был у меня один смысленный агент. Таким, как правило, везет больше, чем другим. Они всегда оказываются в нужное время, и как раз в том месте, где может произойти что-нибудь интересное или полезное для нас. Он и раньше принимал участие в митингах и уже имел опыт, как надо было работать с массами во время митингов, или подобного рода собраниях. Когда я ему поручил выполнить это задание, вот что он мне сказал: «Мой господин, людская масса обладает странным свойством, если хотите, даже прозорливостью. Она тут же узнает, как своего хозяина, или предводителя, так и просто свояка. Редко можно встретить внедренного агента, который надолго сохранил бы свое положение так, чтобы не выдать себя. Своими флюидами, если хотите, инстинктом, масса чувствует кто есть кто. Полным людям масса не доверяет и, как правило считает их лентяями и обманщиками. Да к тому же, упитанный человек вызывает раздражение голодной массы и разжигает ее страсти. Не доверяют массы и очкарикам, они им кажутся или очень умными, или умнее, чем они сами, разделенными от них невидимой стеной. Если масса по какой-либо причине вскипела, и эта причина вывела ее на улицу, тогда она ищет лишь сочувствующих и поддерживающую силу, и инстинкты ее

обострены до предела. Если с трибуны пытаются довести массу до кипения, то тогда она становится скептической и циничной в отношении трибуны. Поэтому, если она не почувствует, что тот, кто старается заручиться ее поддержкой, является действительно своим, и что он может стать ее реальным предводителем, то она начинает пренебрегать им. Когда же кипящая масса остывает, она превращается в бездейственный сброд. После этого сколько ни долби ее с трибуны, на нее уже ничего не подействует.

Отправил я его на это задание и, вместе с ним, и моего человека. У нас была информация, что организаторы этого митинга очень хотели, чтобы митинг был разгромлен, и как можно жестче, чтобы вызвать возмущение рабочих и сочувствия других заводчан, которые в знак солидарности выступили бы в их поддержку. С самого начала на митинг пришло много народу, где-то около тысячи человек. Пошумели, покричали, помитинговали и через два часа утихомирились, а полиции все еще не было видно. Да и с трибуны больше не о чем было говорить, к тому времени, и масса остыла. Она уже не бурлила и не протестовала. Она устала от выступающих ораторов. Ей надоело слушать одни и те же песнопения, поэтому она больше не обращала на них внимания. Люди галдели, переговаривались между собой, многие из них разошлись потихоньку. Срывались планы организаторов, а вместе с ними и мои тоже. А не расходились люди лишь потому, что стеснялись друг друга, и в них все еще сохранились какие-то блеклые признаки солидарности. К тому же, для того, чтобы разойтись, надо было кому-нибудь из активистов подать такой пример. И в этот момент, то ли в лоб то ли в затылок этого смысленного человека постучал именно инстинкт, и он почувствовал, что через несколько минут все разойдутся. Даже усилия ораторов уже не смогли бы их остановить, так как трибуна остыла тоже. И тут мой агент поднялся на трибуну и обратился именно к тому человеку, который нам был нужен, и сказал ему: Я должен обратиться к народу. Тот, в надежде на то, что может у нового выступающего что-нибудь и получится, дал свое согласие. Ведущий представил оратора, и он начал свое выступление: – «Левый фланг! – и он указал рукой в их сторону. Народ немного оживился. – Центр! – Тут он провел рукой над головами стоящих в центре. – Правый фланг!» – и обвел рукой их фланг. Люди почувствовали что-то новое и напрягли внимание.

– Сейчас вы выберите по пять человек среди вас и, посоветовавшись, представите нам ваши предложения и требования для последующих действий, чтобы подготовить петицию для правительства. Вот вы! в центре, – он указал рукой на мужчину, – Я думаю, что вы тоже должны быть включены в состав совета.

Те, что стояли рядом, инстинктивно посмотрели на него. Это был мой второй человек, которого я отправил вместе с ним. На фланге началась суматоха, выбирали тех, кто должен был войти в совет по подготовке петиции. Активисты оживились, у них появилось дело, и кому же они уступили бы выполнение такого важного задания. Через несколько минут масса вновь забурлила и разожгла свои эмоции. И вот мой человек поднялся к нему на трибуну, подал выступающему какой-то лист бумаги, и прошептал:

– Зачем тебе нужны их советы и предложения?

– А кто говорит, что они мне нужны? Мне бы удержать этот народ всего на полчаса, пока появятся отряды полиции.

Потом все пошло по плану, но здесь самым главным является творческий подход к делу.

Именно такие люди ценятся высоко. На сегодня они оба занимают важные позиции в рабочем движении и являются надежными людьми эсеров.»

Мой начальник часто говорил, что уважает способных людей, будь они даже его противниками. А таких людей мало и их надо беречь.

ЛИДИЯ НОВГОРОДЦЕВА

Когда он привез меня в Петербург, то на некоторое время он оставил меня у своих знакомых. До того, как вернуться в Тифлис, он дал мне поручение изучить культурную жизнь города, побывать на театральных представлениях и обойти все художественные выставки. Это было самым приятным заданием из тех, что мне приходилось выполнять до сих пор. Я не упустила из рук такой возможности и в течение одного месяца почти не потеряла ни одного дня. И когда он вернулся через месяц, я без устали рассказывала ему обо всем, что видела, и что особенно впечатлило меня. Я даже предложила ему побывать на спектакле в Александринском театре. Постановка показалась мне слабой, но Муза дал спектаклю другую оценку:

– Этот спектакль будет иметь успех.

– Вы так думаете? – спросила я несколько удивленно.

– Да, я так думаю.

– Я же думаю, что это слабое представление, а исполнитель главной роли на меня произвел такое впечатление, будто он совершенно случайно забрел из другого спектакля и по этой причине был вынужден включиться в это представление – У меня получилась немного строгая оценка. Муза рассмеялся.

– Ваша такая метафора является еще одним подтверждением того, что театральное искусство – это субъективное искусство.

– Разве у вас не создалось такое же впечатление?

– Такое нет, но... – он не завершил эту фразу.

– Тогда на каком основании вы предполагаете, что представление будет иметь успех? – Не сдавалась я и продолжала спорить, чтобы услышать его мнение.

– Постараюсь объяснить, Лидочка! – он улыбнулся мне, – театр – это такой вид искусства, которому, по сравнению с другими видами искусства, присуща ярко выраженная сила пропаганды. Выходит, что он влияет на доброжелательность людей в отношении Империи и трона. А расположение людей, во многом, влияет на состояние Империи. Естественно, что правительство и ответственные лица не оставят без внимания такое важное направление, которое может пошатнуть состояние империи и, если хотите, даже ее основы. Поэтому правительство заинтересовано в формировании вкуса аристократии, элиты в целом, и вообще, населения. Главное в том, чтобы придать искусству и вообще культуре желаемую идеологическую окраску, с помощью которой в подсознании человека последовательно осядутим увиденное и даже рассказанное другими. В результате этого он неосознанно станет носителем навязанного ему вкуса.

– Как это? – не стерпела я и постаралась копнуть поглубже.

– Вы же видите как активничают «клакеры» во время пауз, реплик или антрактов, вот те, что после каждой интересной сцены или реплики начинают аплодировать и выражать свои эмоции, и тем самым заводят зрителя тоже. Их стараниями завтра весь Петербург будет знать, и не только через прессу, что это гениальный спектакль гениального режиссера. А какие актеры! не говорите, такого исполнения еще никто и нигде не видел. Приблизительно раз тридцать пять раздавались аплодисменты и овации, не так ли?

– Как они умудряются делать это? – я почти согласилась с его соображением или версией.

– Если меня не подводит мое чутье, то в зале сейчас работают по меньшей мере четыре группы, которые всю стараются говорить громко между собой заранее подготовленным текстом, чтобы их могли слышать другие. Это происходит особенно в тех местах, где во время антрактов или после спектакля собирается больше всего народа: в фойе, буфете, у гардеробной и так далее. Кого-то обожествят, кого-то похвалят, а кого-то могут подвергнуть и критике. И все это делается ловко и профессионально, так как они каждый день исполняют эту роль не только в этом театре, но и везде, куда их откомандируют. Если в течение одного месяца

внимательно присмотреться к ним, то обязательно можно встретиться с кем-нибудь из этих «клакеров».

– Я, действительно, заметила несколько знакомых лиц, – подтвердила я тут же, – их я видела и в других местах и, действительно их нельзя опередить с аплодисментами. Я подумала, что это активный зритель, не более того.

– Вот именно, благодаря этому активному зрителю, завтра этот спектакль станет модным, так что любой уважающий себя аристократ, чиновник или состоятельный человек обязательно сочтет необходимым побывать на этом спектакле. В противном случае, если он не побывает на представлении и не даст ему именно ту оценку, какую устанавливают уже с сегодняшнего дня, как в этом случае требует стандарт, это будет сочтено за признак дурного тона.

– И кто же устанавливает эти стандарты?

– Цензоры, специальные службы правительства, которые курируют эту область. Когда этого требует политическая ситуация, то меньше внимания уделяется тому, насколько ценной для искусства является та или иная работа. Они могут возвести до небес очень слабое произведение, представление или пьесу и назвать их гениальными. На какой-то период этот стереотип утвердится, сыграет свою роль в данный момент, но вскоре исчезнет как со сцены, так и из человеческой памяти. В то же время, действительно гениальное творение, будь то пьеса, постановщик или исполнитель, которые могут продержаться не один период и даже целую эпоху, могут быть подвергнуты такой хуле и критике, что любое доброе слово, сказанное в их адрес, будет считаться великим грехом, а их нечаянная хвала станет равносильной государственной измене. И все это лишь потому, что не вписывается в установленные властями стандарты. Если на представлении будет присутствовать император или члены его семьи, или какой-нибудь важный чиновник, то кто возьмет на себя право после этого не восхвалять это представление, его автора или исполнителя. Эти «клакеры» – наемные люди, они и за пределами театра занимаются той же деятельностью. Иногда они занимаются более важными делами, когда распространяют нужные сплетни о театральном обществе и приближенных к ним лицах. Им подвластны и хвала, и хула. Они довольствуются малыми вознаграждениями, но выполняют дела такой важности, с которыми иногда не может справиться даже пресса. То есть, с их помощью правительство внедряет стандарты, и если ты не вписываешься в эти стандарты, кем бы ты ни был, то ты вылетаешь из игры. Многие даже не догадываются, почему они оказались за бортом. Люди помнят немало таких деятелей искусств, которые вроде, еще вчера хорошо были приспособлены ко времени и обстоятельствам. Но где же они сегодня? Эти стандарты касаются всех, а не только людей искусства. Поэтому надо быть внимательным: когда новоиспеченного кто-нибудь безгранично хвалит, он либо жертва стереотипа, либо агент.

– Неужели и здесь необходима агентурная работа?

– Конечно же, это такой же рабочий процесс, как и тот, что проверяет лояльность в отношении трона и Империи, и не менее отточенный, чем в других областях.

– Почему Вы говорите со мной об этом? – Муза улыбнулся.

– Мой партнер должен быть осведомлен об этом, хотя через некоторое время с Вашей то прозорливостью Вам не составило бы труда и самой разгадать эту игру.

Довольная его комплиментом, я тоже улыбнулась ему в ответ, мне всегда нравилось, когда Муза хвалил меня.

– Не очень-то осведомленный и лишенный тонкого вкуса зритель, – продолжил он, – часто становится жертвой такой, краем уха услышанной, оценки и навязанного ему эффекта. Согласитесь, что большинство находящихся в этом зале, такие, они завтра и послезавтра повторят то, что они «случайно» услышали в фойе или в буфете. Со временем Вы научитесь распознавать, кто из них жертва, а кто агент.

– Вы думаете, что я смогу сделать это? – я сказала это, скорее всего, в ожидании нового комплимента. Но он не подал виду и сказал:

– Безусловно, – ответил он коротко и продолжил, – тот человек, который когда-то внедрил метод распространения слухов...

– И кто это был?

– Его имя неизвестно, но это искусство существует вот уже тысячелетия и с каждым веком становится все изощренней. Но, тот, первый, возможно, и не задумывался о том, что кто-нибудь смог бы воспользоваться этим методом против честных, достойных и, действительно, способных деятелей искусства. Например, бездарных конформистов от искусства так часто противопоставлять талантливым людям. Или, более того, в определенный момент превратить такого в противовес таланту. Пусть лишь на какой-то момент, ибо подлинное искусство и истинный художник, хотя и позже, но все же найдет свою дорогу, когда настанет время переоценки человеческих ценностей. Тогда будет легче отличить черное от белого. У мыслящего человека всегда наступает период переоценки, несмотря на его социальный статус и род деятельности.

– Даже у деятелей искусства? – вставила я.

– Конечно, независимо от того, конформисты они или нет, это особые чувствительные люди. Недооценка их способностей, или, что еще хуже – их игнорирование, сильнее пули бьет по их сердцу и разуму. Возможно, их и беспокоит возвеличение какой-то бездарности теми или иными методами, или разными уловками, но это ничто по сравнению с тем, что они испытывают, когда их труд обесценен – вот это для них действительно является тяжелой формой оскорбления. Как правило, возвеличиться у них меньше всего получается, тем более, если они не являются членами какого-либо клана, поэтому место действия остается за бездарными и наглыми людьми, которые нашли пристанище в стандартах, установленных правительством. Потому и получается, что с истинно талантливым художником, гениальным писателем, драматургом, режиссером или актером, свободным по характеру и сути своей, постоянно ведется борьба всеми возможными методами.

Вот в таких беседах и лекциях проходило время наших встреч, которые, в действительности были моими подготовительными курсами. И мне это нравилось, тем более, что эти лекции читал любимый мною человек. Эта подготовка преследовала еще одну цель. Как его младший партнер, я готовилась открыть свой салон, точно такой же, как у мадам узель Жанет де Ламье в Тифлисе, но лишь с той разницей, что он не предназначался для разведки, а наоборот, салон должен был служить контрразведке. Хотя, пока это случилось, понадобилось еще немало времени для завершения моей подготовки.

ИЗ ДНЕВНИКОВ ЮРИЯ ТОНКОНОГОВА

В октябре 1905 года Петр Николаевич Дурново был назначен министром внутренних дел. А в ноябре того же года моего начальника назначили тайным советником при министре, и одновременно, заместителем начальника департамента жандармерии.

Все хорошо знали моего патрона, но я не могу сказать, что все были рады его назначению. Вообще-то, назначение инородца на такую высокую должность, да к тому же в министерство, можно сказать, было явлением неординарным. Несколько важных фигур министерства своей бестактностью или невежеством, а наверное, тем и другим вместе, проявили свое отношение к его назначению, но шеф не подал виду.

Когда нам были переданы дела нашего предшественника, то в глаза бросились незаконченные дела, что для контрразведки являлось весьма непривычным. В нескольких делах фигурировали фамилии таких людей, что это не могло быть оставлено без нашего внимания. По документам было видно, что расследование всех этих дел было прекращено под чьим-то давлением. Но полностью изъять эти дела из производства всё же не удалось, и поэтому те были лишь приостановлены. Потом делопроизводителя сменили, а начатое дело так и повисло в воздухе. В нескольких делах фигурировала фамилия одного такого человека, который, можно сказать, присвоил себе роль исполнителя первой скрипки. Мы знали, что у него издавна были напряженные отношения с Дурново, поэтому мы не могли оставить эти дела без внимания. Этим человеком был генерал Рачковский, заместитель начальника Департамента полиции, который фактически управлял департаментом. Шефу не понадобилось много времени, чтобы разобраться в деле, кто к какому клану принадлежал, какой он имел вес и какими умственными возможностями располагал.

Когда Дурново ознакомился с докладом моего шефа, а это случилось, если не ошибаюсь, в январе, и потребовал изучить дела Рачковского, то он ему сказал:

– Вам следует быть осторожней, это очень опасный человек. Никто не смог снять его. Со всеми кто с ним столкнулся, что-то произошло.

– Спасибо за предупреждение, – ответил мой шеф и с ещё большим азартом приступил к изучению его дела.

В делах переданных нам, по русской традиции, было много мертвых душ, которые были связаны как с финансированием внутренней агентуры, так и с деятельностью нашей резидентуры, и ее агентурной сети в Европе. Особенно много таковых оказалось в заграничной резидентуре. На эти «мёртвые души» выделялись очень большие суммы денег, но реально этих лиц не существовало, а если они и существовали, то уже давно стали непригодны для наших дел. Это наследство переходило каждому из новых начальников и тяжелым грузом ложилось на их плечи. С каждым новым начальником оно увеличивалось еще больше, и так передавалось последующему. Некоторые оправдывали это тем, что скудные финансы не давали возможности широко развернуть агентурную работу, так как их постоянно ограничивали в деньгах, Поэтому этот метод оправдывал себя, так как фонд положенной зарплаты был более стабильным финансовым источником, чем требование финансирования для отдельных операций. И такое оправдание действительно имело свои основания, так как русская волокита явно мешала решению оперативных вопросов, и что самое главное, сохранению конфиденциальности.

Множество «мертвых душ» в заграничной агентуре числилось именно с того времени – вероятно, с 1885 года, когда заграничной агентурой в Париже руководил именно Петр Иванович Рачковский. Тогда ему была поручена слежка за русской эмиграцией. Шеф решил провести ревизию резидентов и агентурной сети во всей Европе, что было делом очень сложным, но чрезвычайно важным. Особое внимание он уделял Парижу. Этот вопрос он не доверял никому и сам вел расследование. Во время изучения парижских дел всплыли имена многих таких аген-

тов, которым начислялась зарплата и премии в течение вот уже почти двадцати лет. В их числе были бывшие должностные лица французской полиции и иностранного ведомства, префекты парижской полиции и их заместители, а также и журналисты, с помощью которых Рачковский осуществлял дискредитацию русской политической эмиграции. Большинство из них уже давно не занимали своих должностей и не могли оказывать какие-либо услуги, было бы вернее сказать, что никто и не требовал от них делать это. Многие уже умерли, а выданные на их имя гонорары бесследно исчезали.

Изучить семнадцатилетнюю деятельность Рачковского было не так-то легко, для этого требовалось много времени, людей и работа с конкретными людьми в Париже. Во время изучения материалов всплыли весьма важные вопросы, которые прямо указывали на авантюрную деятельность Рачковского. Среди этих вопросов были инсценированные террористические акты, раскрыть которые он «сумел» сам. Для изучения этого вопроса и доведения этого дела до его полного завершения шеф лично ездил в Париж. Потом и мне пришлось несколько раз побывать в командировке. Вот что выяснилось окончательно.

Рачковский с помощью своего агента «Ландезен» – того же А.Гекельмана в 1889 году подготовил группу народовольцев, бывших в эмиграции: неких В.Накашидзе, И.Кашинцева, Е.Степанова, А.Теплова, Б.Рейнштейна, А.Лаврениуса. Потом в группу был включен и местный, некий Анри Виктор. Эта группа должна была подготовить и осуществить террористический акт, в результате которого должен был быть убит Император Александр III. Как мы выяснили, о существовании этой группы и ее подготовке знали будущий президент Франции Любэ, министр внутренних дел Эрнест Констанс и министр иностранных дел Эжен Шпюлер. Информацию о том, что готовился террористический акт, Рачковский предусмотрительно передал Императору Александру III. Как выяснилось, этим замыслом французы хотели заслужить доверие и доброжелательность императора и утвердить позиции Рачковского при дворе. Зная страх императора в отношении ожидаемых терактов, Рачковский подготовил именно такой спектакль, который больше всего подействовал бы на императора и его окружение.

Согласно плану, участвующие в этом теракте молодые люди должны были вернуться в Россию с уже готовой бомбой и дожидаться подходящего момента для покушения. С самого начала этого спектакля они были обречены. Весной 1890 года их арестовала французская полиция, в тот момент, когда они ехали в Россию. Новость о том, что французская полиция раскрыла грандиозное дело и предотвратила покушение распространилась в прессе. Эта весть тут же достигла и Петербурга. Император остался очень доволен работой Рачковского, и помимо того, что наградил его орденом и большой денежной премией, он увеличил и финансирование его деятельности. И что самое главное, Рачковский завоевал большое доверие и влияние при императорском дворе. Любэ и его правительство записали себе политические очки, и даже оставили Императора в долгу. Рачковский за это дело и за лоббирование интересов Франции при Императорском дворе получил миллион франков в виде аванса, а потом столько же – за другие услуги. В конечном же итоге он получил от правительства Франции ассигнациями пять миллионов франков и акции французских компаний, которые работали в России под его патронажем. В ходе изучения этого дела фамилия Накашидзе с самого начала привлекла наше внимание, так как и у меня, и у моего шефа был в Грузии знакомый с такой фамилией. Мой патрон поручил мне разузнать, как сложилась его судьба, после того, как его сослали на три года на каторгу. Тогда он был двадцатитрехлетним юношей, студентом Сорбонны и не числился в народовольцах, хотя его связывали с ними дружеские отношения. Как мне удалось выяснить, он отбывал наказание в Анжерской тюрьме, потом его куда-то перевели, и затем его след терялся. Он не числился ни среди мертвых, ни среди живых. Нам стоило немалых усилий разыскать его с помощью нашего агента в Париже, которого, как французского резидента, мой шеф завербовал еще во время своей службы в Тифлисе. Он по нашему поручению установил тесный контакт с женой тогдашнего министра внутренних дел мадам Клемансо. Именно с ее

помощью мы смогли установить многое, в том числе, и местонахождение Накашидзе. Полностью был расшифрован этот инсценированный теракт. Этот, вроде бы, давно случившийся и уже забытый факт и явился ключом, который способствовал раскрытию других больших авантур и преступлений Рачковского. Министр внутренних дел Дмитрий Сипягин был первым, кто принялся изучать деятельность Рачковского сразу же после своего назначения на этот пост в 1900 году. Пока он был товарищем министра, то ему не давал такой возможности министр Горемыкин. До Рачковского эта информация дошла летом следующего года. Именно французы передали ему свои агентурные данные о том, что на него было заведено дело. Французов, конечно же, не устраивало терять человека, который лоббировал их интересы в России. Более того, ему была выплачена огромная сумма денег. Поэтому они всеми возможными способами пытались упрочить его позиции.

Рачковский тут же привел в действие свою агентуру в Петербурге, которая была внедрена в боевую группу эсеров. Член эсеровской боевой организации Степан Балмашов чисто выполнил задание, а потом и сам взошел на эшафот.

Балмашов явился в здание государственного Совета в офицерском мундире, держа в руке пакет для Сипягина. Он встретил Дмитрия Сергеевича, когда последний вошел в здание, передал ему пакет и тут же выстрелил четыре раза. Два выстрела оказались смертельными. Через час, 2 апреля 1902 года Сипягин скончался. Балмашова тут же арестовали, засекретили его признание, все сведения о его связях и соучастниках, а потом и вовсе изъяли последние из дела.

Когда после Сипягина министром внутренних дел стал Вячеслав Константинович Плеве, то уже он создал новую комиссию по изучению дел Рачковского, которая подтвердила то, что Рачковский играл двойную игру. Французы ему платили невероятно большие деньги. Рачковский с помощью своих покровителей добился того, что по распоряжению Николая Второго дело его было прекращено. Плеве все же смог освободить его от должности, чем нажил себе кровного врага.

Рачковский вызвал большого мастера провокаций Эвно Азефа к себе в Варшаву, так как в этот период ему было запрещено проживать в Петербурге. Азеф с самого начала работал на Рачковского, за ним уже числилось множество подготовленных и осуществленных покушений на царских чиновников. Именно Азефу поручил Рачковский убить Плеве. Он вместе с боевой группой эсеров подготовил террористический акт. 15 июля 1904 года, когда Плеве направлялся в Царское Село к Императору, в его карету, которую сопровождала охрана на велосипедах, Сазонов бросил мощную бомбу. Вячеслав Плеве скончался на месте.

После смерти Плеве из его личного сейфа исчезли материалы о деятельности Рачковского, изученные комиссией. Существовала и копия дела, но ее тоже нигде не было видно.

Всех, кто воспрепятствовал темным и грязным делам Рачковского, уничтожили или отстранили от работы. Несмотря на то, что после своего освобождения с должности, Рачковский поселился в Варшаве, он не прекращал своих активных действий. Он все же сумел встретиться со своим близким другом и агентом, и в то же время, соучастником и соумышленником – Манасевичем-Мануиловым, который являлся близким человеком генерала Трепова. Агенерал Трепов в свою очередь пользовался большим влиянием при Императорском дворе.

Спустя шесть месяцев после убийства Плеве, именно с помощью Трепова Рачковский был лично принят Николаем Вторым. После этой встречи Рачковский был назначен заместителем начальника департамента полиции, к тому же ему было доверено самое важное дело – политический сыск. Заручившись такой поддержкой императора, он практически распорядился всем департаментом.

Петр Иванович Дурново тогда был товарищем министра и препятствовал назначению Рачковского, но так ничего и не добился. Это было следствием их давнишней вражды. Когда Дурново был еще шефом департамента полиции, то решил вместо Рачковского назначить в Париже другого представителя, но он не только не смог сделать этого, наоборот, сам лишился

должности. Рачковский подстроил ему серьезный скандал, который вызвал гнев императора, после чего он отстранил его от работы. А все произошло так. У Дурново была любовница, одна петербургская красавица, которую он очень любил и содержал. Эта женщина оказалась любовницей и бразильского посла, с которым у нее кроме интимных отношений была и любовная переписка. Когда Рачковский узнал, что его преследовал Дурново, то сумел сделать так, чтобы Дурново узнал о ее измене с бразильским послом. Дурново впал в бешенство. Он устроил тайный обыск на квартире посла и там обнаружил письма женщины. Разгневанный он ворвался в дом женщины, бросил ей в лицо письма и изрядно избил ее. После чего покинул дом, но письма забыл захватить с собой. Избитая женщина отправила письмо своему второму любовнику. Оскорбленный посол написал письмо Императору. Люди Рачковского еще больше раздули эту историю, и разъяренный Александр III написал на письме посла: «Убрать эту свинью в 24 часа.» Но тогда по просьбе министра его оставили сенатором, Дурново чудом избежал смерти.

И вот сейчас уже во второй раз пересеклись их пути, но Дурново и на сей раз ничего не смог добиться. Наоборот, как товарища министра, его лишили обязанности куратора по некоторым вопросам и несколько стеснили его деятельность. Но прошло какое-то время и Дурново назначили министром внутренних дел, а вместе с тем и начальником департамента жандармерии. Наверное, Императору выгодно было сбалансировать ситуацию, чтобы не вызвать возвышения одного клана. Во всяком случае, со стороны это смотрелось именно так. В действительности же Дурново Дурново пошел на попятную в борьбу с Рачковским. В тот момент это было тактически оправданным.

Это случилось после того, как он через несколько недель после назначения его министром поставил перед императором вопрос об отставке Рачковского.

Император намекнул Дурново на то, что в данный момент было бы лучше подумать о том как сбалансировать влияние премьер-министра Витте. Дурново догадался, что не добьется ничего, поэтому он действительно включился в борьбу с Витте.

Рачковский считал себя победителем, ведь он избавился от всех своих противников, нейтрализовал и угомонил их, поэтому у него появилось время воспользоваться этим моментом для упрочения своей позиции. И он вновь вернулся к своему старому методу. С помощью Азефа он сначала подготовил террористические акты против окружения Императора, а потом с большим успехом сам же и раскрыл их. Он «предотвратил» покушение на своего покровителя – генерала Трепова. Он также «спас» жизни великих князей, Владимира Александровича и Николая Николаевича. За такую верность и успешную работу Рачковский получил большую денежную награду и ордена. Как показало наше следствие, в министерстве внутренних дел существовало человека, который получил бы столько высших наград и денежных премий за весь период своей службы. Общая сумма премий достигла миллиона рублей. Но сколько он украли присвоил, этого установить было невозможно, по нашим подсчетам она превышала пять миллионов рублей. Сумма, полученная от французов, составляла столько же. Дурново и вправду втянул Витте в борьбу и, в конечном счете, сам стал жертвой этого дела. Они оба потеряли свои посты. Дурново был отстранен в апреле, пробыв министром всего шесть месяцев. Однако, мой шеф очень хорошо воспользовался этим периодом для подготовки будущих битв. Вместо Дурново министром был назначен Петр Аркадьевич Столыпин. 3 июня Император распустил Думу, вскоре за этим последовала отставка правительства, и премьер-министром стал Петр Аркадьевич Столыпин, который в то же время сохранял и портфель министра внутренних дел. В это время мой начальник был назначен тайным советником при министре, а его служба была выделена из департамента жандармерии в отдельный департамент, находящийся в непосредственном подчинении министра, в обход товарищей министра. Никто не мог и носа сунуть в нашу работу.

Обстановка была очень сложной, как во внешней, так и во внутренней политике, ситуация в стране кипела, первая революция никак не стихала. Не менее тяжелая обстановка была и в самом министерстве. Группировки, представляющие разные интересы, пытались восстановить свое влияние и опять вернуть все в прежнее русло. Мутная вода была их стихией.

Когда эти кланы осознали близость моего патрона к Столыпину и его влияние на него, кто-то явно (а кое-кто и тайно) объявил ему войну. Большой мастер авантюра Рачковский и его клан вступили в тайную борьбу с моим начальником. Они и во времена Дурновоне сидели сложа руки, но сейчас одна за другой последовали волны их действий. Но ведь они не знали, с кем имели дело. Их проблемы начались именно тогда, когда они сделали этот шаг. Если бы граф Сегеди видел, как действовал его ученик, я больше чем уверен, он преисполнился бы гордостью за него. Я тоже горд, что во время этой тяжелейшей битвы и в такой интересный период стоял рядом с ним.

12 августа 1906 года была осуществлена террористическая атака на дом Столыпина. Жертвами взрыва стали несколько десятков человек. Сам Петр Аркадьевич не пострадал, но погибли 24 человека, еще 25 были ранены, среди них двух малолетних детей Петра Аркадьевича – Наталью и Аркадия. Во время взрыва они вместе с няней стояли на балконе, и волной взрыва были выброшены на улицу. Няня скончалась, а у Натальи были многочисленные переломы ног, из-за чего она несколько лет не могла ходить.

К этому времени у нас было уже много материалов о деятельности Рачковского. Кроме них мы добыли и материалы, собранные комиссией, созданной Сипягиным и Плеве. В его делах часто фигурировал провокатор Эвно Азеф. После этого акта, пока полиция преследовала эсеров, мы искали Азефа, пока не нашли его. Я присутствовал при беседе моего шефа с ним. Это не был официальный арест и допрос, но шеф с самого же начала поставил его в такое положение, что Азеф понял, что деваться ему было некуда, он должен был говорить, и к тому же чисто сердечно. Мой патрон совершенно спокойно расположил его к откровенной беседе, и он признался, что за несколько недель до этого он сообщил Рачковскому об ожидаемом покушении на Столыпина. Эту информацию он получил от человека, внедренного в боевую группу эсеров. Азеф был уверен, что для предотвращения этого теракта Петр Иванович Рачковский предпримет все меры. За этой беседой, в обмен на гарантии, что жизни Азефа не будет угрожать опасность, последовали и другие его признания. В тот же день шеф положил на стол Петра Аркадьевича показания Азефа, а вместе с ним и расследование по поводу деятельности Рачковского, проведенного нами в течение нескольких месяцев. Столыпин был ошеломлен, но, все же, колебался. Он знал, кто покровительствовал Рачковскому (среди них был и Распутин), поэтому в такой тяжелой обстановке он не хотел напрямую противостоять ближайшему окружению Императора. Мой шеф догадался, что Столыпин был стеснен в своих действиях. Поэтому Музе надо было действовать самому, так как останавливаться на полпути было равносильно самоубийству. Я не присутствовал во время их встречи, но, судя по последующим шагам, догадался, какой разговор должен был у них состояться.

Спустя неделю мы тайно арестовали Рачковского у его собственного дома. Когда он увидел меня рядом со своим домом, то узнал и подождал, пока я не подошел к нему. В это время трое наших людей набросились на него и оторвали от земли. Он даже не успел пикнуть, как очутился в закрытой карете со связанными руками. Мы привезли его на конспиративную квартиру. Он был оглушен и подавлен, долго не мог прийти в себя. Нас было всего четверо, кого шеф взял с собой из Грузии для особых поручений. Когда Рачковский увидел моего шефа, то открыл рот от удивления. При их беседе присутствовал только я один. Остальные контролировали ситуацию в доме и во дворе. Разговор длился долго. Ему были предъявлены обвинения по всем его авантюрам, начиная с террористических актов и заканчивая присвоением огромных денежных сумм. К этому были добавлены государственная измена и заказные убийства. Ко

всем этим делам были приложены копии документов. Потом были предъявлены доказательства убийства Сипягина и Плеве. Практически, ему был зачитан приговор.

Сначала Рачковский попытался окрестить все это творчеством политического противника и фальсификацией, но потом и сам признал, что проиграл.

– Петр Иванович, проиграли не вы. Проиграли Россия и Император, что доверился такому человеку, как вы. Одарил вас деньгами и орденами. Ваше же зло окончательно потерпело фиаско. Ваши авантюры и злодеяния и так затянулись надолго.

– И что вы мне предлагаете?

– Признание и отставку по своей воле. Денег, украденных и полученных за измену Родине, у вас скопилось много, их вам хватит до смерти. По всей вероятности, вам и пенсию назначат. Можете выбрать и самоубийство, но только сначала собственноручно напишите признание.

На какое-то время наступила тишина, он не отвечал.

– Есть и другой вариант.

Удивленный Рачковский поднял голову.

– И что это за вариант?

Шеф попросил меня на грузинском языке позвать Виктора.

Я открыл двери и позвал. Вошел Виктор.

– Вы знаете этого человека?

– Нет, – ответил Рачковский.

– Тогда я Вам напомним. В Париже, при помощи вашего агента Ландэзена, вы вовлекли в провокацию шестерых молодых людей. Потом одного из них вы убили, инсценировав, будто у него взорвалась бомба, а остальных арестовали и отправили на каторгу умирать. Помните Виктора Накашидзе?

Он кивнул головой и еще раз взглянул на него.

– Это тот грузинский парень?

– Тогда он был совсем молодым. Он находился еще в Анжерской тюрьме, когда поклялся, что если выживет, то обязательно отыщет и продырявит вашу голову. Он и сегодня готов сделать это, он пока не передумал. (Виктор оказался племянником друга моего отца из Батуми Нико Накашидзе. Когда мы его отыскивали, он отбывал уже второй срок в тюрьме.)

В ту же ночь мы привезли Рачковского в Министерство внутренних дел. В кабинет министра мы вошли через потайную дверь. Петр Аркадьевич ждал нас. Я тоже присутствовал при этом. Доклад моего шефа длился полчаса, арестованный все подтвердил. Он тут же написал признание и рапорт об отставке, на которой Столыпин написал: «Уволить в отставку по болезни. Испросить Высочайшего повеления о назначении пенсии Рачковскому в размере 7000 рублей в год».

Несколько дней Рачковского держали под домашним арестом. Виктор и другие наши люди были рядом с ним, и без их разрешения он не мог выйти даже по нужде. В течение этого времени Столыпин и мой шеф два раза встречались с Императором вместе, и один раз – каждый в отдельности. Под конец он согласился отправить Рачковского на пенсию, а не расстрелять или повесить. Но все же спросил Столыпина: «А мы не очень мягко относимся к нему, Петр Аркадьевич?» – Столыпин ответил: – Чтобы избежать скандала, это лучший выход, Ваше Величество. Смертная казнь после стольких орденов и денежных премий подорвет авторитет России. Через несколько дней Иван Федорович Манасевич Мануилов, прихвостень и соучастник многих дел Рачковского, чтобы избежать уголовного наказания за растрату большой суммы денег, был уволен с работы. Он вместе с Рачковским еще со времен их работы в Париже провернул немало авантур и финансовых афер. Из министерства были уволены все, кого они привели вместе с собой. Тогда моего патрона и назвали «Музой Сатаны». Когда это прозвище дошло до Столыпина, он сказал: «Спасибо Господу за то, что он явил на свет такого человека».

(Юра, то что ты написал, не соответствует формату дневника. Это, скорее всего документальный рассказ. – Ну и очень хорошо. Если мои дети найдут его когда-нибудь, они, возможно, и воспользуются им.)

Более поздняя приписка: «Спустядесять лет, в 1916 году, во времена премьер-министра Штюмера, Манасевич-Мануилов вернулся на государственную службу. В том же году он был арестован за шантаж, жертвой которого стал банкир Хвостов. В 1917 году его освободило Временное правительство, а через несколько месяцев арестовали меня.»

САНДРО АМИРЕДЖИБИ

Я уже и не помню сколько десятков лет прошло с тех пор, как я впервые задумался над этим вопросом. Я, вроде бы, и нашел путь его решения, но время и обстоятельства полностью разнеслив пух и прах найденный мною ответ. Наверное, потому, что воображение и мысли человека формируются обстоятельствами и внутренним духовным состоянием. А, в случае их изменения, ранее найденные, обдуманые и осмысленные ответы приходят в противоречие с новой действительностью. Вы, может быть, и удивитесь, но я часто думал о своем зачатии. Кто-то наверняка скажет, а если не скажет, то наверняка подумает: и как об этом можно думать, и что это может дать? Воля ваша, но я вовсе так не считаю. По-вашему, я думаю о биологическом процессе, какая клетка и когда оплодотворила другую. Нет, это действительно мне неинтересно. Как оказалось, мой отец был абреком и, естественно, он бы не стал посылать сватов замужней женщине. Но тогда, как это случилось, где они познакомились? А может быть, они и раньше были знакомы, или он ворвался к ней в дом и изнасиловал ее? Быть может, он ее где-то поджидал – в лесу или на кукурузном поле? Неужели насиловал? А может, она сама отдалась? Возможно, вы спросите, какое это имеет значение. Я постараюсь объяснить. Если это происходит насильственно, без любви, то от этого часто на свет появляются не те люди, что нужны стране. Если это дело хоть с одной стороны подкреплено чувствами, то это еще ничего. Но если обе стороны связаны между собой пылкой любовью, то на свет явится именно такой человек, который будет полезен и стране, и человечеству. Ведь о таких вещах не спросишь у родителей, они тоже постесняются говорить с детьми об этом. Поэтому, если человек подумает об этом основательно, то по своему поведению, направлению мыслей, характеру и наблюдательности сможет догадаться, как это могло случиться – с любовью и нежностью или насильственно, и лишь с животной страстью. Где это случилось: в теплой постели, или где-то под деревом, в засыпанном листвой лесу, или может быть на пашне, под стогом сена, или на берегу реки, а, возможно, под журчание ручейка? Ненадо исключать и того, что, как рядовое событие, все это происходило в постели, что мужчины часто называют исполнением своего супружеского долга. Если это так, то потому и ходит половина мира отупевшей массой, – как расплата за долг.

Почему я думаю обо всем этом Да потому, что хочу разгадать, что такого сделали мои родители тогда, что на мою долю выпала такая жизнь и такой странный характер. Хочу понять и то, чего во мне больше – отцовского или материнского. Подсознание всегда подскажет нужное, да так, что ты и не догадаешься, почему в тебе зародилась эта мысль, и почему ты действовал таким образом, а не иначе. Пройдет время и лишь потом станет ясным, что, оказывается, ты делал, думал, и даже действовал правильно. Это именно то подсознательное, что идет от родителей, и что заставляет нас повторять их мысли, а часто, и действия. Может быть поиному упакованное, но все же именно то, что идет от них. Всю жизнь за мной тянулись их мысли и действия, и почему должно быть удивительно, что это заставляет человека задуматься. Я хочу рассказать вам о том, как началась моя новая жизнь, как увлекли меня раздумья после встречи с Лидией. Возможно, именно эти мысли и спасли меня от тех мук и переживаний, которые сопровождали меня повсюду после того, как я убил своего отца. Я очень часто думал о ней. Но если подумать честно, где она, и где я. Она ведь была на десять лет старше меня, но я думал о ней, и даже очень много. И что удивительного в том, что мужчина думает о такой женщине, а юноша тем более. Где я мог видеть такую женщину, да к тому же в такой обстановке и так близко. И вообще, до того я никогда никого не видел, кто бы так глубоко запал в мое сердце.

Мечты, которые все еще были у деревенского мальчика, отошли куда-то на задний план, и их место заняли совсем другие. Мечты о Лидии были самыми цветными, нежными и благоухающими. Разве мечты о женщине позор для маленького мальчика? Именно такие мечты и формируют мужское мышление и свойства, его характер и действия. Мечты о женщине влекут

за собой и другие мечты, которые освещают непроходимые, извилистые тропинки жизни. Со временем эта первая картинка теряет свою яркость, и ее место занимает другая, вставленная в рамку с более четкими контурами, на которой видно все, о чем когда-либо думал или мечтал человек. Вот так отчетливо я видел картину моей мечты, на переднем плане которой были мы с Лидией. В моих мыслях слились воедино путь, пройденный от моей деревни до деревни Пластунки, а оттуда до Петербурга, и женщина, так эмоционально воспринятая мною. Я стал по новому воспринимать мир вокруг себя, во мне происходила переоценка и обновление. По новому увиденное и опознанное влекло за собой и новые фантазии и мечты. Если бы не так, то те удручающие черные и серые цвета, которые полностью завладели мной и тяготили душу, повалили бы на землю и раздавили бы меня. Именно это воображение и светлые мысли о ней спасли меня. Самым светлым и красивым из них была Лидия. Я должен быть благодарен встрече с ней за то, что не затерялся в самом себе, не утонул в омуте страданий и горя. Страшные воспоминания, словно сильный поток, иногда накрывали меня, и я даже не знал, почему так происходит, в чем была причина всего этого. Эта лавина целиком уносила меня и превращала в большой сгусток грусти. Неожиданно эти объятые мраком мысли прорезал слабый светлый луч, который постепенно нарастал и влек за собой, во всей ее красе, эту чудную женщину. Она полностью заполнила это темное пространство и осветила его своей нежной улыбкой. Когда все ребята в училище вспоминали девушек своей мечты, живущих по соседству, или с которыми они случайно были знакомы, я думал о Лидии. Вполне оправдано было и то, что они рассказывали о том, чего никогда не говорили и не делали, но с нетерпением делились с нами своими фантазиями: эти красивые и выдуманные истории нужны были для того, чтобы разбудить фантазии остальных ребят тоже. Я всегда был сдержан, никогда не рассказывал о женщинах, да и о ком-то мог рассказать, разве я мог выдать свои мысли и мечты о женщине на десять лет старше меня? Когда перед сном в казарме гасили свет, в темноте все лежали с широко открытыми глазами, и как можно было заставить уснуть эти взволнованные души. Наверно на потолке они видели их изображения, плод своей фантазии, выдуманную, созданную в своем воображении картину. Я же в это время думал о Лидии, о конкретной женщине, но все же недостижимой. Я думал и переживал при мысли о том, что вдруг она от кого-нибудь узнает, что я убийца своего отца. Я боялся, что тогда эта женщина станет для меня еще более недоступной, и я потеряю ее навсегда. Через некоторое время эти мысли все же уходили куда-то, и я оставался с единственной надеждой, что ей неоткуда узнать об этом. Если она случайно и встретит моего дядю, то зачем ему говорить о совершенном мною преступлении. Выставлять напоказ наши семейные дела никак не входило в его интересы. После этого мне становилось спокойнее, и я уже думал о нашей следующей встрече, о том, как я коснусь ее руки и поцелую ее. Я знал, что она похвалит меня: молодец, что ты учишься хорошим манерам общения с женщинами. Сколько раз я ласкал ее в своих мечтах, сколько раз во мне закипало все, кто может сосчитать это. Наверно на моем лице были написаны все мои мысли и мечты. Тогда мы все находились в одинаковом состоянии. Мой переходный возраст прошел вместе с Лидией. Я столько думал о ней, что мои мысли дошли до нее и она почувствовала это.

Стоял месяц ноябрь, двадцать девятого числа субботний день совпал с днем моего рождения. В этот день отмечали какой-то праздник, но нас не отпускали в «увольнение». Было обидно, что стояла хорошая погода, наконец-то с Балтийского моря подул ветер и разогнал тяжелые свинцовые тучи, после бессолнечной осени и продолжительных дождей небо прояснилось. Юноши, подобно встрепенувшимся птицам, не могли найти себе места. Мы заходили то в казармы, то в спортзал, потом заглядывали в манеж, но ничего нас не привлекало, а так хотелось заняться чем-нибудь приятным. В тот день книгу никто и видеть не хотел. Я шел в столовую, когда меня вызвали и сказали, что до вечера меня отпускают в увольнение. Это очень удивило меня, и я подумал, что это, наверное, ошибка, но кроме меня с фамилией Амиеджиби там больше никого не было. Мне сказали, что на подготовку десять минут, и что меня

ждут на вахте. Я так побежал, что моя тень осталось на месте. Собирался впопыхах и думал: кто же мог прийти за мной? Может, дядя пришел или капитан Тонконогов? В тот день никого не выпускали, мне позволили выходить, то я и подумал о дяде. Про себя же я решил, что, раз меня отпускают всего лишь до вечера, значит, дяде не смогли отказать.

Когда на вахте я увидел Лидию, то от волнения у меня огромный ком подкатил к горлу, в глазах потемнело, а сердце так и рвалось выскочить из груди. Я покраснел от радости и неожиданности, именно так, как краснеет благородный человек, когда его застанут за чем-то врасплох. Да, именно благородный, а то кто сегодня краснеет от чего-нибудь. Такой встречи, о которой я мечтал – с поцелуем ручки, у меня не получилось, так как сразу же после того, как я приблизился к ней, она обняла меня и прижалась ко мне. И без того взволнованный, я стоял со слезами радости на глазах и мне показалось, что она прослезилась тоже. Потом она посмотрела на меня своими очаровательными глазами, и мы некоторое время вот так и смотрели друг другу в глаза, потом я отвел взгляд, мне было стыдно, но не от слез, скорее всего, я стыдился своего взгляда. Мы сели в фаэтон, она прикрыла мои колени пледом, я сопротивлялся, мне было неудобно, но она даже слушать не хотела: мол, холодно, а дорога длинная. Обращалась она со мной как родная мать, и мне стало неловко еще больше от того, что у меня были совсем другие фантазии в отношении нее.

Я уже сказал, что в тот день мне исполнилось семнадцать. Я заметно подрос со времени нашей первой встречи и был на голову выше нее. Хорошо, что за несколько дней до того мне выдали новый мундир, и он хорошо сидел на мне. Я думал о таком, о чем я раньше и не подумал бы. Я так хотел, чтобы я ей понравился как мужчина, а не как маленький мальчик, на которого смотрят как на сына или младшего брата.

Весь мой опыт в женском вопросе ограничивался несколькими книгами, и к тому же очень пуританскими, а еще сказками, рассказанными ребятами или приукрашенной правдой, а то и вовсе фантазией. Лидия взяла мою руку, и она оказалась в ее ладонях. У нее были теплые и очень нежные руки. Я никогда в жизни не прикасался к таким рукам. Я был взволнован, она меня о чем-то спрашивала, но я не слышал ничего, я даже ответа нормального дать не мог. Она смеялась и переводила разговор на другие темы. Постепенно я успокоился, и она почувствовала это. Обо мне она уже ничего не спрашивала и лишь указывала на здания, объясняя, где что находится, ведь я не знал города, за эти два года я всего лишь несколько раз выходил за стены училища. Даже летние каникулы я провел в школе, помогал на манеже и в конюшне. И только на одну неделю забрал меня дядя, и то на дачу за Петербургом. Поэтому я с большим интересом слушал ее, когда она объясняла мне где находится театр, а где музей или салон известного художника. Я чувствовал, что искусство интересовало ее больше всего. Поэтому, когда мы выехали на Литейный, она мне пересказала все спектакли того театра, на который она мне указала. Из тех фамилий, которые она мне перечислила, знакомыми были всего две, об остальных я даже и не слышал, еще две или три фамилии были похожими на те, о которых я слышал в училище краем уха.

Мы приехали к ней домой. Когда я немного освоился, он еще больше мне понравился. Лидия сказала, что сегодня она испекла для меня пирог, но ни словом не сказала о том, что знает о моем дне рождения. Потом сказала: «Пока я накрою на стол, иди в ванную и искупайся хорошенько.». Видно от меня все же разило запахом конюшни. Она взяла меня за руку и отвела в ванную, которая была похожа на музей, положила передо мной новое белье и сказала, что это она приготовила для меня. Сначала я, было, отказался, но она настаивала: «Хоть на какое-то время почувствуй себя гражданским лицом. Если хочешь, я потру тебе спину.» От этого предложения у меня чуть сердце не остановилось, и я тут же отказался. Она долго смеялась, когда я закрылся в ванной. Потом мне все равно пришлось открыть дверь, так как она строго сказала: – Не упрямься, дикаренок! – Да, она так и сказала: «дикаренок...». Она налила мне воду, намылила голову французским мылом и сказала, что во всем училище такого хорошего

запаха не будет даже у лошадей, не то что у кого-нибудь еще. Тогда я не смог понять этого юмора. Она вспенила мыло и потерла меня. Я стоял к ней спиной и был в таком смятении, что вы и представить себе не можете. От стыда я никак не смог бы повернуться к ней лицом, да и срамник не давал мне такой возможности. Когда она еще раз попросила меня повернуться, я сел в воду и ответил, что остальное сделаю сам. Лидия со смехом вышла из ванной. Она смеялась очень красиво. Я уже не знал, кто я был для нее или кем она была для меня.

Когда я вышел из ванной, в гостиной играл граммофон. На стене висело большое зеркало. Она вошла в комнату именно тогда, когда я посмотрел на себя в зеркало и увидел свое раздранное лицо, поставила что-то на стол и сказала: «Вот сейчас ты настоящий гусар, покоритель женских сердец.» Она погладила меня по голове и сказала: Совсем скоро ты станешь настоящим мужчиной.

В тот день я впервые увидел торт с зажженными свечами, горели семнадцать свечей, и в моей жизни впервые случилось, что я задул их. Тогда я не догадался, откуда она могла знать, что у меня был день рождения, потом я долго думал об этом... Когда я погасил свечи, она сказала мне, что это и мой дом. Она взяла меня за руку и повела в маленькую комнату и сказала: Вот, это твоя кровать, когда тебе будет нужно, или когда ты сможешь, знай, что снаружи над дверью, между стеной и дверной рамой, имеется тайная ниша, и там всегда будет лежать твой ключ.

Как мне сказать, как описать, передать или выразить все то, что я переживал тогда, на это у меня не хватит никаких слов. Я страстно любил Лидию, больше собственной жизни и больше всей вселенной, но я не знал, как я ее любил, как женщину или...

НИКОЛАЙ ШИТОВЕЦ

Его Сиятельству

Графу Игорю Дмитриевичу

Ваше Сиятельство, приветствую Вас от всего сердца и надеюсь, что Вы простите меня за то, что я долгое время не мог проявить должного внимания к Вашему Сиятельству. Я не нахожу этому оправдания, несмотря на то, что создавшиеся обстоятельства, да и настроение не давали мне возможности изложить свои соображения на бумаге. Возможно, я вызвал Ваше справедливое негодование, которое я полностью приму и разделю, но Вы должны простить меня, так как перемены, осуществленные в нашем министерстве и департаменте больше похожи на беспомощные попытки преодоления хаоса. Мой неустанный и бескорыстный труд и усилия многих достойных коллег не дают даже малейших результатов в улучшении создавшегося в Империи положения. Такое начало моего скромного письма обусловлено лишь тем, что у меня давно возникло желание послать все к черту (извините за такое высказывание) и уйти со службы. Шаг, сделанный Вами восемь лет назад, навсегда останется для меня примером.

На днях мне довелось ознакомиться со статистическими данными о кадровой политике министерства внутренних дел и, исходя из этого, с общей обстановкой в Империи. Признаюсь, что это подействовало на меня угнетающе. С 1900 года, в течение неполных двенадцати лет сменились восемь министров и двадцать шесть товарищей министров, Департаменте полиции – десять начальников и двадцать пять заместителей. Та же картина в Главном Управлении жандармерии, где сменились девять руководителей, и столько же начальников корпуса жандармерии. А заместителей и сотрудников столько, что не стану утомлять Вас их перечислением. Самыми стабильными оказались начальники Штаба жандармерии: до сегодняшнего дня сменился всего лишь третий начальник. Хочу доложить Вам, что у множества назначенных и освобожденных от должности лиц не было профессионального образования, соответствующего занимаемой должности, в лучшем случае у них было общее военное образование, никакого опыта службы в разведке и контрразведке. Чаще всего они имели лишь юридическое образование, чего явно не достаточно для такого дела.

За это время сменились четыре Председателя Правительства, один был убит. Убиты три министра внутренних дел: Сипягин Дмитрий Сергеевич; Плеве Вячеслав Константинович; Столыпин Петр Аркадьевич, он же Председатель Правительства. Было убито девять тысяч жандармов, среди них 350 высокопоставленных чинов. Расстреляны, повешены или убиты при оказании сопротивления двадцать три тысячи революционеров и сочувствующих им лиц. Это скрытая гражданская война, и конца ей не видно.

Ваше Сиятельство, я знаю, что пишу Вам неприятные вещи, но факт остается фактом. Если закрывать на это глаза, то ни к чему хорошему это не приведет. Самым же страшным является то, что никто не пытается сделать выводы из того, какой результат принесла Империи нынешняя внутренняя политика, а также кадровая политика, существующая в этой обстановке в министерстве Внутренних Дел. Все указывает на то, что эта печальная статистика еще больше ухудшится. Уже совершенно ясно, что джинна выпустили из бутылки, одели, накормили, обеспечили финансами, дали в руки оружие и даже не забыли дать права голосования в Думе. Потом кое-кто спросит: А есть ли у нашей Империи полиция и профессиональные кадры, и они будут совершенно правы. Но за всем этим скрываются не только кадровые проблемы...

«Что-то прогнило в этом королевстве». Должен доложить, что после смерти Петра Аркадьевича у меня возникло желание оставить службу, переехать жить в Грузию, и поселиться где-нибудь поблизости от Вас. Мое желание обусловлено еще и тем, что я уже не уверен, что кто-нибудь полноценно заменит Петра Аркадьевича, и сможет сохранить Империю единой. Страна осиротела, дорогой граф! Я чувствую запах катастрофы и очень прошу Ваше Сиятельство, не

считите это за панику. В том, что катастрофа неминуема, я еще раз убедился несколько дней тому назад, когда Александра Александровича Макарова, действительно профессионала своего дела и верного Империи человека, освободили от должности министра. Вы его хорошо знали, с самого начала высоко ценили его. Прошу прощения за столь тяжелые умозаключения, но я постоянно думаю о том, почему мы до этого дошли.

Хочу коротко рассказать о Вашем воспитаннике и протеже, и моем друге тоже.

Дорогой граф! Вам хорошо известно, что Ваш ученик всегда держится далеко от интриг. Он не изменил своим принципам и после того, как переехал в Петербург. Но в нашем Департаменте это вызвало определенное волнение некоторых противоборствующих групп, так как и до этого им хорошо было известно, с кем они имели дело, и с кем им придется вступать в прения, поэтому, это волнение их объединило против одной цели. Вам хорошо известно, что человека, который, формально или нет, не входит ни в одну из групп, не любят, так как боятся его. И второе: человек, которого перевели с национальной периферии, каким бы верным слугой трона и Империи он ни был, все же он всегда остается инородцем.

Удивительно, но я несколько раз был свидетелем таких ситуаций, когда объединенные в одну группу подхалимы и интриганы со стажем, которые в течение многих лет сохраняют свои должности в министерстве, при подстрекательстве конкретных людей, прямо на заседании коллегии попытались высказать претензии его адрес. На этом заседании в полном составе присутствовали руководители министерства и департамента. Я уже знал от Вас, что ему не свойственно оправдываться, это я помнил и по нашей совместной работе. Вы всегда говорили: «Уж если это будет необходимо, то у него имеются несравненные способности сделать это.» В этом я с вами действительно согласен, так как я еще раз убедился в этом сам. Но то, свидетелем чего я стал, превзошло все мои ожидания. После его тонкого и аргументированного выступления, нападающие на него выглядели полными ничтожествами; они предстали как некомпетентные и совершенно невежественные лица, несоответствующие своим званиям, должностям и обязанностям. И сделал он это так умело, что в своем выступлении не промолвил ни одного слова против них. Министр остался доволен и смеялся... (несколько страниц письма зачеркнуты).

После этого случая все еще раз убедились, что прозвище «Муза Сатаны», которое давно уже закрепилось за ним, больше указывало на его достоинства и способности, чем на его недостатки, как это пытались представить его враги. Видимо, это прозвище было отчасти результатом его крещения Сахновым, который задолго до своей отставки упоминал его, как «Сатану». Потом и другие подхватили это прозвище. Новое же прозвище являлось производным старого, так как кто-то увидел в нём псевдоним его профессиональной деятельности, который читался как «Муза». Отсюда и пошло это прозвище. Сначала его за спиной в насмешку называли «Муза» (здесь это любят делать, Вам это хорошо известно), потом его называли «Муза графа», в этом случае (прошу прощения), они затронули Вас, а сейчас его называют «Муза Сатаны». Он

и сам знает об этом, и это даже несколько веселит его. Более того: в сознание тех, которые сговорились и называют его этим прозвищем, он своим прозорливым умом и действиями утверждает веру в то, что он вполне заслуженно носит это имя.

Вам известно, что после того, как меня из управления перевели руководителем канцелярии министра, чем я обязан и моему другу, через мои руки проходила вся информация. Благодаря этому, от меня не ускользали ни беседы, ни те интриги, которые плелись в министерстве и департаменте. Создавалось такое впечатление, будто наш гроссмейстер попал на турнир перворазрядников, но, чтобы не сделать им больно, играет вдолгую и не заканчивает партию в три хода. Это касается почти всех, кто на сегодня остался в министерстве или департаменте. Я заметил, что он очень охладел и потерял интерес к этой работе после убийства Петра Аркадьевича. До меня дошли слухи о том, что у него состоялась тайная встреча с Его Величеством, и на этой встрече речь шла об этом убийстве. Насколько мне известно, он указал на конкретные

лица, которые содействовали или были непосредственно замешаны в этом деле, но ответа он так и не получил. Я заметил, что именно после этого он и изменился очень, и его состояние все время ухудшается. Он стал очень замкнут.

Дорогой граф, Вы знаете, что мы и здесь остаемся друзьями, нас многое связывает, в том числе и наша старая служба в Тифлисе, и Ваше имя. Мы оба считаем себя Вашими учениками, совершенно искренне и справедливо. Я сообщаю Вам, что, несмотря на такое настроение, он не спешит ни выносить каких-либо заключений, ни предпринимать каких-либо шагов. Вам известно, что Муза никогда не спешит, вот и сейчас он остается верным своим принципам, а может быть и намного больше, чем прежде. Я сказал, что он не спешит, но своё дело он всегда завершает в назначенное время. Создается такое впечатление, как будто именно тогда и осуществляется то, чего требует дело. Я часто думал и о том, что он либо связан с чем-то мистическим, или уж больно удачлив. Я вам не сказал, что вскоре после того, как его перевели в Департамент жандармерии (в Петербурге), распространилась информация об осуществленной им операции: как удалось нейтрализовать его брата – разбойника. Сразу же возникло неоднозначное отношение к этому делу и к нему лично. Его «доброжелатели», которые до того спекулировали именно этим вопросом, после этого стали утверждать противоположное. Они распространили новую пакость, создавая отрицательное отношение к нему. – Собственного брата убил руками племянника – говорят они. Ходят и болтают, что это высшее проявление безнравственности, что на службе Трона не должны находиться такие сотрудники, что подобные люди могут принести стране только зло. Эти разговоры подхватили даже такие люди, которые не имеют никакого представления о нравственности и морали, и ради достижения своих целей способны подписаться на все. О нарушении закона и правил игры уже и говорить не приходится, они и глазом не моргнут при этом. Вам хорошо известно, что эти люди все оправдывают верностью Трону и службе. Думаю, что их такая реакция была вызвана другим. Наверное, подсознание им подсказало, что на игровом поле появился более умный и намного более изощренный негодяй, чем они сами, и от этого их бросило в жар. Их попытки, скорее, похожи на писк испуганных крыс: помогите, гибнем.

Вам хорошо известно, что в течение двадцати лет, с тех пор, как брат Музы стал разбойником, о нем много слышали в Москве и Петербурге. И тогда, да и сейчас существуют истинно профессиональные полицейские, которые не сомневаются в его способностях и несравненном чутье. У некоторых из них даже возникли к нему скрытые симпатии. Думаю, особенно после того, как они убедились, что, несмотря на совершенные им тяжкие преступления, этот разбойник никогда не выходил за рамки нравственности. Среди нас тоже есть немало таких, кто хорошо отличает нравственность от безнравственности. Да разве много мы знаем таких полицейских или жандармов, которым нравятся их агенты? Но в число таких не входят те, что борются с Музой.

Муза считает себя творцом трагического конца своего брата, но при этом он не видит себя победителем. Случившееся он переживает до глубины души. В тоже время, трагический путь злополучной жизни своего брата он приписывает только Сахнову. Говоря по чести, это обстоятельство, действительно, было полностью виной его высокомерия и непрофессионализма. Об этом знаем мы все. Когда он это осознал, у него возникла реальная ненависть к Сахнову. Если раньше он считал его баловнем судьбы, высокомерным человеком с ограниченными умственными возможностями, то сейчас к нему и ко всему его роду у него появилась совершенно иная, и глубокая ненависть. Я уверен, что об их будущем «Муза Сатаны» позаботится с особой тщательностью. Я лично и ломаного гроша не дал бы за их благополучное будущее. Вам известно, дорогой граф, что прозвище часто определяет отношение к человеку, даже если в лицо его и не именуют этим прозвищем. Кроме того, само прозвище оказывает влияние на его владельца, на формирование философии его жизни, оно даже формирует вектор его действия. Если сегодня он даже и не пожелает быть «Музой Сатаны», то все равно

не сможет освободиться от этого, так как, кроме сознания, еще и подсознание определяет его мышление и вытекающие отсюда действия. Более того, он по своей собственной воле может устроить свою жизнь в соответствии со своим прозвищем. Именно поэтому я и уверен, что теперь его подсознание диктует ему действия против Сахнова и его рода, и он действует так, как это диктует философия его прозвища. Бедняга Сахнов.

Ваше Сиятельство, мое такое понимание и вывод, тоже являются своего рода пересказом Вашей теории, в основу которой легли неоднократные откровенные беседы с Музой. Это позволило мне ясно увидеть его сегодняшнее духовное состояние и причины потери интереса к службе.

Когда-то им самим сформированное мировоззрение, которое полностью было приспособлено к добросовестному служению государству, в частности, было направлено на упрочение Трона и Империи, и которое должно было принести пользу его Родине, это его мировоззрение претерпевает крах. После того, как его перевели в Петербург, он отчетливее увидел, что представляют для режима самодержавия искусственно пришитые территории и их народы. Оценку того, что он видел во время службы в Грузии, он считал недостатком точки зрения периферийного мышления. Поэтому там, в Грузии, он старался преградить путь таким мыслям, чтобы они не мешали его честной службе. Однажды, в ходе нашего разговора он откровенно сказал мне: «Раньше я думал, что сейчас для нашей страны настал такой этап, когда для ее физического спасения необходимо находиться под покровительством великой Российской Империи. Всякие искусственные попытки освободиться от этого покровительства принесут только вред. Я спокойно смотрел на такие характерные для империи проявления внутренней политики, как ущемление независимости национального языка, культуры и религии колоний, отказ от традиций и так далее. Почему-то я был совершенно уверен, что империя не смогла бы достичь этого в Грузии.» В подтверждение сказанного он привел много аргументов.

Граф, Ваше Сиятельство! Его беседы и настроение заставили меня сильно задуматься. Хочу признаться, что я поспешил отложить все дела и написать Вам это письмо, лишь потому, что виделся с ним на днях. Мне показалось, что он очень изменился, похудел, глаза запали, он стал очень угрюмым, таким я не видел его никогда. Мы долго беседовали, потом он откровенно сказал:

«Я боролся со своим братом так же, как и с «чужими». Стереотип, существующий в нашей работе, как отражение общей государственной политики делящей всех на «своих» и «чужих», теперь коснулось уже моего народа и моей семьи лично. Еще до нашего примирения мой брат знал, что я ставил ему ловушки, но он не показывал этого, он не выразил этого ни словом, ни действием. И после того, как во второй раз стал абреком, он знал, что все пакости вокруг него были делом моих рук, я превратил его доброжелателей в его врагов, и та клевета, которая сопровождала его повсюду, тоже творилась мною. Он знал, что те, с одной извилиной в мозгу, были неспособны додуматься до этого. И здесь он не проявил своей обиды. И даже когда мы встретились в семье, то и там он не дал мне почувствовать ничего плохого, да и потом тоже. Возможно и перед смертью он не произнес ни одного слова против меня. Какие нервы, терпение и воля таились в этом человеке. И как я теперь выгляжу перед ним, или перед людьми... И был ли я достоин называться его братом? Нет, Святым нет, но одно время люди его называли Ангелом-Хранителем, пока наше вероломство не перешло через все границы и пока мы не засеяли колючим кустарником все вокруг него. Меня же называли «Апостолом Сатаны», «Дядей Сатаны», а сейчас за спиной меня называют уже и «Музой Сатаны». Его – Ангелом, а меня – Сатаной и еще хуже. Хотя, Сатана тоже ангел, но падший. И пострадавшим являюсь больше я, чем он так как испытал больше моральной, духовной и физической боли, рушится моя карьера и мои цели, ради достижения которых я пожертвовал всем и всеми. Я все время хотел понять, где проходит грань моих возможностей, но душа не дала мне возможности продолжить, и вот сейчас я стою на грани, дальше этого я не вижу ничего.

Сейчас я мчусь лишь по инерции. Безнравственность, которая осуществлялась моими руками ради служебного положения и карьеры, является лишь проявлением моего духовного и нравственного падения. Это не произошло сразу и неожиданно, и проявилось лишь то, что в течение многолетней внутренней борьбы набирало во мне силы, и что окончательно подавило во мне всё нравственное, на чем построен внутренний мир человека. Я должен быть готов к тому, что судьба должным образом оплатит мне, и я уже готов к этому. Если те же люди, кого я считаю «своими» лишь потому, что они самоотверженно служат Империи, считают мой народ «чужим», тогда кому и чему я отдаю себя и своё служение? Меня так увлекла преданность моему долгу, что не только преступники, но и мой народ оказался в рядах «чужих». Поэтому настало время принять решение и сделать ответственный шаг. – Он долго молчал после этих слов, а потом добавил: Какое было бы счастье, если кто-нибудь из эсеров бросил бомбу в мой экипаж, и я погиб бы на службе.»

Он так и сказал, Ваше сиятельство. Я думаю, что он сейчас находится на грани самоубийства. И он не переходит эту грань лишь потому, что хочет покончить с Сахновым, а потом, думаю, он не будет медлить. Я, конечно же, попытался развеять его такое настроение, но не знаю, насколько мне удалось сделать это. После того, как он переехал в Петербург, наши отношения стали более откровенными. Это вызвано еще и тем, что здесь мы стали тылом и надеждой друг другу, несмотря на то, что нам приходится встречаться не так часто, как в Тифлисе, ибо командировки не дают нам такой возможности. В Департаменте и министерстве он держится обособленно от всех, и со всеми сохраняет лишь деловые отношения, несмотря на лояльность того или иного сотрудника, или наоборот, несмотря на принадлежность к стану противника. Он даже не может ни с кем поделиться своими переживаниями. Если бы Вы были рядом, то Вам бы он точно открылся, и возможно, Вы смогли бы изменить его расположение духа.

Ваше Сиятельство, не могу не оповестить Вас о том вопиющем факте, который был бы совершенно оскорбительным и унижающим достоинство для любого человека, независимо от его чина или профессиональной деятельности. К сожалению, этот факт по сути своей и форме настолько оскорбителен, что является одновременно и требующим сокрытия, и предосудительным. Но, так как этот факт коснулся лично меня и унизил достоинство моей семьи и моего рода, а также, в общем, затронул нашу службу и мою профессиональную деятельность, я не могу позволить себе скрыть этот факт от Вас. Именно за ним и последовал целый ряд атак и выпадов против меня, которые сегодня возобновились. Принимая во внимание то, что обстановка настолько обострилась, я и принял решение уйти в отставку.

В тот день, я имею в виду 10 сентября 1911 года, мой непосредственный руководитель, товарищ министра, господин Х попросил меня зайти к нему. Когда я пришел, в его кабинете находился Нижегородский губернатор Алексей Николаевич Хвостов. То есть, как Вы видите, это случилось спустя несколько дней после убийства Петра Аркадьевича. Господин Х попросил меня, да, именно попросил, а не поручил, как это ему подобало по должности, встретиться со «Святым монахом» у него на квартире по адресу: улица Горохова № 64. Об этом адресе и монахе я уже знал, так как пресса и общество имели неоднозначное, и в большинстве случаев отрицательное, мнение о нем. Он попросил передать запечатанный конверт с письмом, и лично поговорить адресатом. В итоге, я вместе с ним должен был поехать в Царское Село и лично проследить, чтобы срочно, в тот же день, Григорий Распутин передал это письмо Императору. А если бы он не смог передать письмо лично, то письмо надо было вручить хотя бы Александре Федоровне, чтобы она срочно отнесла послание Его Величеству.

Мне сразу же не пришла по душе эта просьба, так как у меня не было никакого желания встречаться с человеком такой сомнительной репутации, пусть даже и лицом, приближенным к Императорской семье. Тем более, поездка в Царское Село вместе с ним. Но я не посмел

отказать в такой, казалось бы, незначительной просьбе. Я медлил, но мне ничего не оставалось делать, письмо его Сиятельства было уже у меня на руках.

Я поехал. Секретарь Распутина – Арон Симанович – встретил меня, проводил в столовую комнату, где был накрыт стол, вокруг которого сидели несколько женщин. Оттуда мы перешли в приемную, где находились шесть или семь ожидающих женщин. Некоторых из них я узнал, они меня узнали тоже, но сделали вид, будто не замечают меня. Причина этого была понятна: я хорошо знал их мужей, поэтому они и не были рады видеть меня там. Конечно же, им было неприятно, что я увидел их в очереди пришедших к монаху на «лечение». Секретарь вышел из приемной в соседнюю комнату, – подождите меня, – сказал он. Я принялся ждать, и чтобы хоть как-то скоротать время, и не встречаться взглядом с ожидающими женщинами я даже не сел на стул, а подошел к окну. Через некоторое время секретарь открыл двери и пригласил меня в комнату, в которой, кроме него, никого не было. Он указал на вторую дверь и сказал: у него сеанс лечения, и через несколько минут он встретится с Вами. Я снова подошел к окну. В это время из второй комнаты послышался голос: Где он, пусть заходит. Симанович как-то странно улыбнулся. Что означал этот процесс лечения, и чего ждали эти женщины, я понял лишь после того, как своими глазами увидел это. Простите, граф, но более оскорбительного пережить невозможно: так называемый монах лежал на тахте в чем мать родила, а «больная», жена известного чиновника сидела на нем верхом. Они оба посмотрели на меня, будто я был их лакеем или секретарем, и мое присутствие там для них ничего не значило, так как они продолжали сеанс «лечения». Он же протянул мне руку и, отвратительно взглянув на меня горящими глазами, сказал: «Давай, что ты там принес передать! А ежели чего сказать надо, то скажи на ухо.» И вот так он ждал моих действий, протянув руку и сверля меня глазами. От такого оскорбления у меня чуть не разорвалось сердце. Мое терпение никогда не подводило меня, но шок, который я испытал, оказался сильнее меня. Через несколько секунд я смог совладать собой, плюнул в него (извините) и хорошо выматерил этого бугая, да так, чтобы все ожидающие слышали в приемной. Я хлопнул дверью и ушел. От злости я не мог видеть ничего, и еле дошел до экипажа. На работу я не поехал, надо было где-то отвести душу. Я вышел на набережную и сел на скамью, и, когда немного успокоился, вскрыл конверт и прочитал письмо.

Хочу доложить, что и до этого инцидента до меня доходила информация о том, что после смерти Столыпина на его пост Его Величество рассматривал кандидатуру Коковцова, а на пост министра Внутренних Дел – Хвостова, причем, как мне стало известно потом, именно по рекомендации императрицы и Распутина. Коковцов заявил Его Величеству, что категорически отказывается занять пост в том случае, если на пост министра внутренних дел будет назначен Хвостов, так как деятельность последнего оценивалась весьма отрицательно, и никто в России его не уважал. Мы знали, что он даже написал Императору письмо о нем. В окружении Императора вели борьбу разные группировки, и кто находил больше грязи, чтобы облить другого, тот и выходил победителем в этой борьбе. В то же время, и другие тоже не жалели грязи, чтобы облить ею возможного кандидата.

В письме, которое я прочитал, грязью поливали именно Коковцова и клеветали на него. В том же письме восхваляли Хвостова: он, де, патриот и верный Трону человек, он скромный и амбициями не похож ни на Столыпина, ни на Коковцова, чтобы выпячивать свою персону и затенять значимость Императора. Автор письма специально бил по самому больному месту Императора, давя на его самолюбие – мол, только Хвостов сможет вывести Империю из кризиса. Было ужасно читать все это, так как я очень хорошо знал, что представлял собой Хвостов.

Второе письмо предназначалось Григорию Распутину, где было написано: «Святой отец, верный нам человек передаст Вам письмо, о котором Вы просили. Там все сказано о нашем враге. Сегодня же, да, сегодня же Вы должны суметь встретиться с Его Величеством, передать ему это письмо и, со свойственной Вам мудростью и убедительностью, доложить о Ваших соображениях. Его Величество не имеет права допустить ошибку и назначить Коковцова, это

будет неисправимой ошибкой, более того, трагедией для Империи и ее окончательной гибелью. Наш человек поедет с Вами в Царское Село, и если Его Величество потребуют тому подтверждений, то Вы скажете, что Жандармерия и министерство поддерживают, и те соображения, которые изложены в письме и то, что Вы сами думаете, и что в подтверждение всего сказанного, даже прислали надежного человека.»

Ваше Сиятельство, вот видите, в какое положение они меня поставили. Они хотели заставить меня подтвердить ими составленный пасквиль, да еще и так, что я даже и не знал бы ничего о том, что там написано. Я должен был стать слепым орудием в их руках. В том случае, если Император спросил бы меня о чем-нибудь, я лишь механически подтвердил бы, или в крайнем случае, указал бы на непосредственного моего начальника. То есть, на передний план они выставляли меня, а сами оставались в тени. Рано или поздно это дело обязательно бы всплыло, и творцом всей этой грязи оказался бы я. А Распутин остался бы лишь посредником, который только и сделал, что сопроводил меня до Царского Села. Я уверен, что Вы прекрасно представляете себе всю картину, как в дальнейшем должны были развиваться события, и как все вышло бы сухими из воды. Представьте себе, что после смерти Петра Аркадьевича политическая обстановка в империи и без того была натянутой как струна, достаточно было малейшего усилия чтобы она лопнула. Не исключаю, что я мог бы оказаться стрелочником, на которого повесили бы все, так как намного выгоднее принести в жертву одного человека. Таких примеров мы с вами знаем немало.

Тогда я еще не знал, что в те же дни Муза встречался Императором, я не мог знать и о последующем развитии событий. В тот день я не пошел домой. Я срочно отправился в госпиталь к моему другу, и меня поместили в больницу по причине сердечной недостаточности. Это решение мне вовремя подсказало мое подсознание. Я сразу же послал своего друга за Музой. К счастью, он оказался на месте и немедленно приехал. Ознакомившись с письмами, он тут же снял с них копии, и сказал: «Отсюда никуда ни шагу», – и ушел. Лишь на третий день авторы письма нашлись в палате, но было уже поздно, да и мне прямо ничего не смогли предъявить, так как узнали причину моей болезни. Но...

В те дни события развернулись изумительно быстро и интересно. «Муза Сатаны» и, если хотите, одновременно наш гротескный актер разыграл великолепную партию, о которой я узнал лишь потом, когда все уже кончилось.

Оказалось, что на второй день после того, как меня поместили в больницу на «лечение», жена Государственного советника Ольга Лохтина гостила во французском салоне, где очень красивая и молодая княжна, хозяйка салона, принимала жен многих известных лиц Петербурга. Наверное, Вы спросите, граф, какое имеет отношение женский салон к этому делу, и Вы будете правы, но...

Эта госпожа Лохтина является большой поклонницей Григория Распутина, и боготворит его. Она считает, что тот, кто переспит с этим живым «богом» и прикоснется к его телу, тот и сам тоже превратится в божественного человека. Богохульство, конечно же, да еще какое! Оказывается, эта Лохтина и раньше предлагала молодой хозяйке салона познакомить ее с Распутиным, а через него сблизиться с Императорской семьей для установления деловых и дружеских отношений. Со слов Анны Вырубовой, Императрица уже была в курсе дела, знала о ней и сказала, что если «Святой старец» даст ей рекомендацию, то ее примут в свой круг. Тем самым Лохтина намекнула, что путь в семью императора проходит через квартиру Распутина. Молодая княжна несколько раз отказывалась от визита к Распутину, но сейчас она без колебаний согласилась и пошла к нему. Кажется, в тот день она сама позвала к себе Лохтину. Когда утомленный лечебными процедурами, проводимыми с немолодыми дамами, «Святой старец» увидел молодую и красивую княжну, тут же принял ее без очереди. Сначала он исполнил ритуальный танец перед оцепеневшей девушкой. Оказывается, он был одет в белую рубашку до колен, босой. Когда этот разгорячившийся бугай с искаженным от танца лицом, почувствовал

экстаз, то поднял рубашку и показал ей «свое богатство», подготовленное «для лечения больной». – «Подойди, поцелуй и покайся в грехе» – сказал он. Когда юная девица увидела его горящие глаза, а потом и символ его могущества, то с такой силой ударила его между ног, что несчастный старец заревел и упал со словами «Сатана, Сатана». На этот крик в комнату вбежали «Распутинки», так называют его «больных». И когда они увидели лежавшего на полу обессиленного, скорченного и мычащего от боли своего целителя, да еще и с ядрами в руках, то напали на княжну и начали таскать ее за волосы. Не знаю, как ей удалось бежать, но, вся окровавленная, она как-то ускользнула от них. Как потом стало известно, она тоже не осталась в долгу, захватив с собой пряди женских волос жен нескольких известных депутатов и Государственных советников. Когда она выскочила на улицу, то села в экипаж той Лохтиной уехала.

Смех и грех, Ваше Сиятельство!

Гришка Распутин был в таком состоянии, что недели две немог прийти в себя, и его самого лечили его «Распутинки». Он не выходил из дома. Говорили, что он лишился мужской силы. Эта, радостная для многих, весть быстро распространилась повсюду, но как потом оказалось, преждевременно, этот бугай опять продолжает «лечение», хотя говорят и о том, что чаще всего он имитирует экстаз.

Пока скрюченный Распутин валялся на полу, председателем правительства был назначен Коковцов, а министром внутренних дел – Александр Александрович Макаров. Если бы не распоряжение Императора от 14 сентября о назначении Макарова, меня бы, наверное, заживо похоронили люди Хвостова. На третий день министр назначил меня начальником своей канцелярии. Ведь я работал с ним с 1906 года, когда он был назначен товарищем министра. Коковцов и Макаров тот час же узнали о том, что случилось встретились со мной лично. Не знаю, как действовал наш грессмейстер, он и мне не поведал об этом до конца, но в течение нескольких месяцев Распутина не пускали в Царское Село, Емудаже запретили посылать депеши. Макаров сразу же назначил постоянную слежку за ним и готовил его арест. Когда это дело утихло, и состояние княжны несколько улучшилось, к ней в салон пришел какой-то полковник. Поблагодарил ее и сказал, что она многим должностным лицам сохранила честь. Княжна же проводила его такими словами: Уже пора самим мужчинам позаботиться о своей чести. После этого к ней пришли еще несколько мужчин, среди них были члены Думы и Государственного Совета, некоторые из них не скрывали своих имен и предлагали свои услуги и помощь. Героический поступок этой женщины во многих мужчинах разбудил чувство собственного достоинства. Такие частые визиты мужчин в женский салон даже привлекли к себе внимание. Весть об этой женщине и Распутине достигла и Царского Села. Сейчас я уже доподлинно знаю, что кольцо Императорской эмблемой, которое ей принес незнакомец, преподнести не мог никто, кроме Его Величества. Видимо, как мужчина, он этим был доволен и душу отвел. Наверное, Вы удивлены, откуда мне все так подробно известно об этой женщине. Я признался Музе: слух об этой хозяйке салона заинтересовал и меня и пробудил во мне желание познакомиться с ней. Она заслужила подарок от меня. Ведь она вместо меня отомстила этому бугаю. Муза рассмеялся от всего сердца, и лишь потом признался: – Она моя хорошая знакомая, и пришла она к Распутину по моему поручению. Дорогой граф, я чуть не потерял равновесие, когда узнал об этом. А наш грессмейстер смеется и говорит: В женском клубе число женщин уменьшилось, зато мужчин стало больше. Но если и от них я получу информацию, то не откажусь и от нее. Потом добавил: «Будь спокоен, княжна получила такое количество подарков и такую компенсацию от этих «Распутинок», точнее, от их мужей, что может открыть и второй салон.»

Какое это счастье, дорогой граф, что Муза мой друг, а не враг. Несколько дней назад Макаров оставил пост, и новые группировки подняли головы. Я знаю, что они сделают все, чтобы скомпрометировать меня. Я даже не пытался хоть как-нибудь вмешаться и помочь кому-нибудь из соискателей на этот пост, так как все равно не вижу в новой обстановке своего места на этой службе. Я однозначно настроен на отставку, но почему-то не спешу.

По мере возможности, я обязательно буду держать Вас в курсе дела о том, какое я приму решение, и как развернутся события.

Это письмо я высылаю Вам с совершенно надежным человеком, он лично передаст Вам этот конверт, проверка неприкосновенности которого не составит Вам труда.

Надеюсь на Вашу благосклонность.

Навечно Ваш верный друг, Николай Шитовец.

P.S. Это письмо уже было написано и подготовлено к отправке, когда неожиданно ко мне пришел Муза. Во время разговора он, между прочим, сказал, что князь Феликс Юсупов, женой которого является дочь великого князя Александра Михайловича, и в то же время известен как гомосексуалист, некоторое время назад вошел

в тесную связь со своим старым знакомым – Сахновым. Их отношения зашли настолько далеко, что о них говорят не только в Петербурге, но и в Царском Селе. Это действительно скандал, дорогой Граф! Муза же с ироничной улыбкой оценил эту новость: Никак не мог бы подумать и представить себе подобного. Про себя же я подумал: Это дело рук «Музы Сатаны». Я не мог не сообщить Вам эту ужасающую информацию. Знаю, дорогой граф, что Вам будет обидно его такая деградация, но...

ЛИДИЯ НОВГОРОДЦЕВА

В то время я была двадцати пяти летней девственницей, влюбленной до беспамятства. Он меня любил тоже, я знаю, очень любил. Он делал для меня все, и я не жалела для него ничего. Но наши отношения никогда не выходили за рамки деловых. Я жила им, его поручениями и делами. Не могу сказать, что он давал мне прямые задания или приказы, как это обычно бывает между начальником и подчиненным. Вы не можете себе представить, как он разговаривал со мной, как он растолковывал все нюансы, чтобы я могла видеть свою роль и место в деле, с которым он знакомил меня. Я ловила каждое его слово, старалась вникнуть в суть вопроса. Если он видел, что мне было трудно, или я не сразу могла воспринять сказанное, он очень спокойно приводил какой-нибудь такой пример, что у меня сразу же прояснялся разум.

Когда я уже многому научилась у него, а обучение продолжалось весь первый год нашего знакомства, он лишь тогда признался мне, что готовил меня к роли своей помощницы для деятельности в разведке и контрразведке. Тогда я не видела особой разницы между ними, это и не удивительно. Когда он сообщил мне об этом, то тут же и успокоил.

– Ты будешь получать задания ограниченного риска, поэтому тебе не придется совершать покушения, убивать или заниматься диверсионной деятельностью.

Сказанное мною в ответ прозвучало слишком категорично:

– Если я работаю с Вами, то вы должны доверять мне во всем, я хочу, чтобы вы давали мне даже самые сложные и рискованные задания. – Видно, у меня было такое выражение лица, словно уже была на передовой линии фронта.

Сначала он хохотал от всего сердца, потом с улыбкой сказал:

– Я совсем не хочу, чтобы ты думала, будто задания, связанные с большим риском более важны, чем всесторонняя наблюдательность и запоминание именно того, что для нас может быть чрезвычайно важным. Я же, все равно, проявила свою категоричность и потребовала, чтобы в отношении меня не было никаких ограничений. Он долго молчал после этого, я с нетерпением ждала. И когда я уже устала от ожидания, он сказал мне:

– Тьхоть представляешь себе, чем тебе придется пожертвовать?

– Я готова отдать все, даже свою жизнь! – ответила я с пафосом.

– Этого недостаточно... – коротко ответил он. Я смотрела на него с удивлением и не могла понять, чего не было достаточно? У него было очень серьезное лицо.

– Я знаю, что ты настоящий патриот, несмотря на то, что тебе не нравится режим Самодержавия. Ты готова пожертвовать собой ради своей Родины и в военное, и в мирное время. А ценю я это намного больше, чем ты себе это представляешь. Но дело совершенно в другом. Я не перебивала его, только горела желанием до конца понять, что он подразумевал под этими словами.

– В экстремальных условиях или условиях крайней необходимости женщинам трудно принести в жертву и кое-что другое.

– А что именно? – не смогла сдержаться я и настойчиво переспросила.

– Пожертвовать своим достоинством, женской невинностью, и, в конце-то концов, своей честной жизнью.

Я не могла скрыть своего негодования. Муза очень спокойно сказал:

– Для меня никакое дело и, тем более, информация не стоят того, чтобы ты пожертвовала своей честью и достоинством. Я не могу позволить себе воспользоваться твоим доверием и любовью. – Он остановился и такими глазами посмотрел на меня, что я еще раз убедилась, что он любит меня, возможно больше и более нежно, чем я чувствовала прежде. Когда я почувствовала это, глаза мои наполнились слезами, но я взяла себя в руки и не заплакала. Какое-то время он молчал, было видно, что он волновался тоже, потом спокойно продолжил.

– Женщина привлекает к себе намного больше внимания, чем мужчина, а красивая женщина тем более, и это в своем роде является и недостатком в этом деле. Поэтому и ограничивает для женщины широкую арену действия в службе разведки. Много из того, что мужчина может сделать незаметно, женщина сделать не сможет. Соответственно, женщине с самого же начала нельзя давать поручение, которое превосходит ее физические и психические возможности. – Он чуть заметно улыбнулся, – не все женщины смогут выполнить задание так, чтобы в целях разведки и добычи информации влюбить в себя кого-нибудь, и потом самой не влюбиться и, из-за этого, не испортить все. Если дело разведки потребует того, чтобы женщина-агент влюбила в себя нужного человека с целью последующего его шантажа, то сделать это сможет не каждая женщина. Не так ли?

Я лишь кивнула головой в ответ.

– Для честной женщины это непреодолимое препятствие. А женщина, которая может ради чего-нибудь: денег, имущества, должности или даже для получения разведывательной информации переспать с незнакомым и противным мужчиной, у такой женщины должна быть душа проститутки, иначе, она не сможет это сделать. А проститутки, моя дорогая, самые ненадежные люди. Это касается и женщин и мужчин, но в первую очередь – женщин.

Когда он завершил беседу на эту тему, слезы непроизвольно градом покатались с моих глаз, я всхлипнула и заплакала от всей души. Он подошел ко мне, обеими руками обнял меня, прижал к груди, и поцеловал в лоб. Я понемножку успокоилась и долго стояла так, прижавшись к его груди, боясь шевельнуться, чтобы не отпустить его.

Я его считала своим. Мужем, другом, начальником или болельщиком и он на меня смотрел также. Но он никогда не переступил той грани, за которой наша любовь дошла бы до сексуальной связи. Часто, когда он бывал у меня, я одевалась вызывающе, но этим я ничего не добила. Если ему было трудно, то он тут же уходил из дома, но замечаний мне он никогда не делал. Я себя считала уже чуть ли не монашкой, и с годами я привыкла к этой реальности и не создавала себе иллюзий. Мне снился лишь один мужчина, лишь он был моей фантазией, только ему одному я принадлежала. За те годы, которые я провела на этой квартире, он всего один раз остался со мной, и то потому, что была такая надобность. Но и тогда он не лежал со мной, он спал на диване. Всю ночь до рассвета я провела в трепете и ожидании, в какой-то момент нервы подвели меня. Охваченная страстью, в легком пеньюаре, я вся дрожа от чувств подошла к нему. Он приласкал меня, успокоил, и какой же он обладал силой, что я, вся взволнованная, смогла уснуть на его груди. Сейчас я вспоминаю лишь эту реальность, его единственное, неповторимое прикосновение, когда я, почти голая, спала рядом с ним. Он был женат, любовницы у него не было, это был честнейший человек, по-моему таких сегодня уже не существует.

В 1910 году, после возвращения из Грузии, он очень изменился, таким удрученным и замкнутым я никогда раньше его не видела. В какой-то период, у него проходило такое состояние, особенно когда он занимался какими-то сложными делами, но потом к нему вновь возвращалась тоска и уныние. Все это было похоже на депрессию, но чем она была вызвана, я никак не могла объяснить. У меня стоял его шкаф с сейфом, если надо было сохранить что-нибудь важное, то он оставлял его в нем. Он очень доверял мне, это еще больше разжигало мои чувства к нему. У меня никогда не было желания, даже и в мыслях такого не было, чтобы изменить ему в чем-нибудь, ни душой, ни физически или делом.

Когда я впервые увидела Сандро в поезде, я тут же догадалась, что это был не сын его друга. Он настолько был похож на Музу, что вряд ли кто поверил бы, что он не его сын, если не сын, то племянник точно. У них даже улыбка была одинаковая. Сандро улыбался редко, он тоже всю дорогу сидел унылый, но он был вылитый Муза, но только – в детстве. Постепенно я все больше убеждалась, что не ошиблась. Более того, я догадывалась, что их связывала общая боль, но какая, мне трудно было понять. Спустя некоторое время у меня возникла мысль, она неожиданно пришла сама собой, но зерно этой мысли было посажено еще тогда, в поезде.

Однажды утром я проснулась, но все еще находилась в дремотном состоянии. Во сне я видела Сандро, сначала я подумала, что это был Муза, потом я постепенно догадалась, что это был Сандро. После этого я решила, что это моя судьба, и, раз Муза недоступен для меня, то его плоть и кровь, его маленькая копия станет моим мужем. Все это я увидела настолько ясно, что расплывчатый последовательный план предстал перед моими глазами. Воспитаю, выучу, природные мужские качества у него в избытке, мне надо лишь постараться дать направление его чувствам, и он станет моим мужчиной. Ну и что ж, если я старше него, разве мало мужчин, влюбленных в женщин, которые старше них? Это не было чувство мести в отношении Музы, наоборот, это было мое внутреннее подтверждение и верность в отношении его рода. Это мне диктовал лишь инстинкт зрелой женщины. Я решила не спешить, подождать, пока он возмужает, почувствует собственную силу, а если будет нужно, то я научу его всему. Кто у него здесь? Никого. Я стану всем для него. А если что-нибудь случится Музой или его переведут... нет, я не хочу оставаться без их генов! – вот так странно я размышляла. Когда я его впервые увидела в поезде, то подобная мысль, очень смутная и далекая, промелькнула тогда у меня в голове ночью, но наутро она исчезла. Она напомнила мне о себе лишь через полтора года, и как четко!

Никто не может осуждать меня и пусть даже не старается. В разговоре с Музой я несколько раз упомянула имя Сандро. Справилась о нем. Он очень хорошо охарактеризовал его, был доволен его успехами в учебе и стараниями. Но говорил он о нем весьма поверхностно, будто избегал разговора вокруг него. Тогда еще раз почувствовала, что у них одна общая боль, об этом мне подсказывала моя обостренная интуиция. Я не отставала от него, все выспрашивала, желая как можно больше узнать о Сандро. Потом он сказал мне: Он проявляет прекрасные способности, находится в числе лучших курсантов. Я не могу уделить ему много времени, не успеваю. Может быть, у тебя найдется время навестить его? Я уверен, что он хорошо помнит тебя, но о наших отношениях ему ничего не известно.

– Вы думаете, что в поезде он не догадался ни о чем?

– Не думаю. Тогда его мысли были заняты другим, – ответил Муза.

РАЗДЕЛ

II

ДУЭЛЬ

САНДРО АМИРЕДЖИБИ

Когда в училище я остался совсем один в окружении совершенно чужих для меня людей, у меня будто сердце оборвалось. Вот тогда я явно ощутил свое сиротство, и это чувство окончательно подавило меня. Оно всецело завладело мною, и я долго не мог освободиться от него. Каникулы еще продолжались, поэтому моих ровесников все еще не было в училище. Когда я вошел в казарму, то на первом этаже, в самом ее конце выбрал себе кровать у окна. На втором этаже были расположены казармы юнкеров – старших курсантов. Меня интересовало все, я обошел и рассмотрел все вокруг. Здесь все было чужим для меня. Ничто не могло улучшить моего настроения, уныние и тоска не покидали меня.

Уединившись, я долго сидел на краю своей кровати и думал: куда меня перебросил один безрассудный шаг, и кто знает, куда еще перекинет отсюда. Привыкший к полной свободе, я вдруг очутился в училище с таким режимом, где каждая минута моей жизни должна была быть определена другими, – что и когда я должен был делать. И, когда я осознал все это, то тогда, действительно, возненавидел своего учителя русского языка – Виктора Самушия, который не упускал момента, чтобы подстрекнуть меня, подобно заговорщику: он все время долбил меня, именно поэтому я и совершил преступление. Да еще какое! Да, он постоянно подговаривал меня, спустя годы я все отчетливее вижу это, его разговоры со мной носили целенаправленный характер. Да и какие усилия были необходимы для того, чтобы одурачить маленького, неопытного мальчика? Никакие. После того, как мы с мамой покинули деревню, эти мысли не раз приходили мне в голову. И в поезде они несколько раз напомнили мне о себе. В училище у меня были уже совсем другие заботы, я много думал: зачем я здесь, ведь я никогда не мечтал стать кавалеристом или военным офицером. Лошадей я любил до самозабвения, так как с детства был сильно увлечен ими. Мне доверяли даже необъезженного жеребца, я не боялся, что он меня сбросит, так как я знал волшебные слова и ласку. Чужая лошадь-недотрога после нескольких моих слов и небольшой ласки сразу же становилась послушным другом. Если бы у меня были какие-либо склонности к краже лошадей, то никто бы не смог украсть такой большой табун, как я. А таких случаев в Самегрело было немало.

Я много тренировался. Не щадя себя, я с утра до ночи мог сидеть в седле и тренироваться без усталости, но это вовсе не означало, что я хотел стать армейским кавалеристом. Это было совершенно чуждым мне занятием. Одно время я даже подумал о побеге. Я хорошо осмотрел забор во дворе, приметил одно место, откуда свободно можно было бы сбежать. Мне не составило бы труда перепрыгнуть через забор, даже на лошади никто не смог бы догнать меня. Я долго думал об этом. Вспомнил и то, что у меня были деньги, и что я на поезде свободно смог бы вернуться в Пластунку к маме. Но тут я подумал о дяде, и мне стало неловко перед ним. Стесняло меня еще и то, что, кроме мамы, в моей жизни появился еще один человек, с которым я должен был считаться. К тому же, я не хотел терять то чувство гордости за своего дядю и то уважение, которое я испытывал к нему. А еще я не хотел, чтобы он плохо думал обо мне, будто я оказался трусом или побоялся трудностей, поэтому я и передумал бежать. В казарму вошел мальчик и направился ко мне, в этот момент там кроме меня никого и не было. Он тоже был одет в гражданскую одежду. Свои вещи он положил на кровать рядом и спросил меня: – Эта кровать занята?

Я приподнял плечи, я не знал, что ответить.

– Раз покрывало сложено, значит не занято, – ответил я несколько смущенно.

Он встал передо мной. Я посмотрел на него снизу, – чего это он встал надо мной – подумал я.

– Я Сергей Шихарев – сказал он и протянул мне руку.

Я встал и тоже протянул ему руку. Он был моего роста.

– Я Гу... – и остановился, вдруг я вспомнил, что сейчас у меня другое имя, я чуть помедлил с ответом, но все же браво ответил – Я Сандро Амiredжиби. Он с удивлением смотрел на меня своими черными глазами и не отпускал моей руки. Он казался несколько смущенным таким именем и фамилией.

– Имя Сандро я слышал, это Александр, но Амира... – повторить мою фамилию он не смог.

– Амiredжиби, – повторил я по слогам, – это фамилия грузинских князей, – сказал я с улыбкой и, наверное, таким тоном, будто это меня совсем не касалось, но мне понравилось, что моя фамилия привела его в замешательство.

Мы держались за руки и с улыбкой смотрели друг на друга.

– Так, значит, ты – грузин? – спросил он.

– Да, грузин, – ответил я и только после этого отпустил его руку. Мы подружились сразу, с того дня мы стали неразлучны.

В тот день мы познакомились и с другими мальчиками, но мы неотходили друг от друга. Нам вместе обрили головы, это тоже угнетающе подействовало на меня, но когда я увидел обритыми других, то мне стало как-то легче на сердце, потом мы уже шутили над всем этим, а вскоре и вообще позабыли обо всем. Потом нас направили на склад хозяйственной части к Марко Марковичу.

Он встретил нас в своей кладовой. Примерил нам обоим ежедневные мундиры и расспросил, кто мы и откуда. Мы тоже отвечали вы зубренным текстом. Он представил себя, сказал, что он Марко Маркович Бачевич из Метохии. Тогда я не знал, где это было. Потом он рассказал нам, как попал в Петербург: «Во время войны Турцией у командира драгунского полка, некогда закончившего это училище, во время битвы совсем разодрался мундир, и я ему сшил новый, он оставил меня у себя, и я все время был с ним. Когда он вернулся в Петербург, то забрал и меня с собой, а потом оставил здесь. Сначала я хотел стать священником, потом офицером кавалерии, но, по воле Божьей, стал портным. Никто и никогда не знает, что ему готовит Господь Бог, кем он станет, и где будет жить. Моя семья живет в Митохии, в самом красивом из всех мест, которые только существуют на Земле. Если кто-нибудь из вас хоть когда-нибудь попадет на мою Родину, обещайте, что обязательно навестите мою семью.» Мы тут же пообещали, что непременно выполним его просьбу, как только нам будет дана такая возможность. Он был доволен нашими обещаниями. Потом он дружески хлопнул нас по плечу и сказал: «Ну что ж, учитесь и служите честно.» Это было наше первое крещение в училище. Потом я часто вспоминал слова Марко Марковича: «Никто и никогда не знает, что ему готовит Господь Бог, кем он станет, и где будет жить». Эти слова были сказаны будто для меня. Потом мы узнали и то, что он у всех брал обещания навестить его семью в Метохии и каждый из курсантов обещал ему сделать это. С Марко Марковичем дружили все, нам постоянно была нужна его помощь. По тому, кто сколько раз оторвет пуговицы на мундире в течение года или распорет и разорвет свои брюки, он определял будущую карьеру курсантов, кто из них останется на военной службе, а кто возьмется за другую профессию. Удивительно, но его предположения сбывались довольно часто.

Большинству из нас нравилась форма курсантов, но меня она поначалу несколько угнетала, довольно долго я чувствовал себя неловко в ней, но потом я привык. Человек ко всему привыкает со временем. В училище все держалось на традициях. Так и называли «традиции прославленной школы», которая регулировалась исторически установленными правилами. Нас, курсантов подготовительной группы кадетов называли «зелеными», после прохождения первой половины курса мы уже назывались «карасями», и пока мы не достигли курса юнкеров, мы были бесправными среди курсантов. Но никто не имел права оскорбить нас, за это могли строго наказать, а комитет курсантов мог даже установить строгие санкции для оскорбителя. Наоборот, каждый из старших курсантов был обязан помогать «карасьям», и даже опекать их. Юнкеров-первокурсников называли «звери», старшекурсников – «корнетам». Отношения

между ними также регулировались традициями. После поступления в училище курсант имел право выбора учиться и служить по «традиции прославленной школы» или жить по «букве устава». Если юнкер для взаимоотношений и службы выбирал жить по уставу, его уже не касался «ЦУК» – так назывались традиции. Но в этом случае с ним никто не дружил. Таких называли «красными» и отношение к ним было отрицательным, с ним не разговаривали и поддерживали лишь служебные отношения, а во всем остальном им объявляли бойкот. После окончания училища у «красных» не было никакого шанса попасть в круг офицеров. Они были отвергнуты во всех гвардейских полках, так как выпускники училища служили повсюду и каких бы они не достигли высот в карьере, всегда поддерживали связь с училищем. Поэтому «красные» были неприемлемы для них. Хотя, в период моего обучения такого почти не было. «ЦУК» устанавливал многие ограничения для младших. Например, мы не имели права подниматься по лестнице корнетов, которая вела в их спальни; входить в предназначенную для них дверь; даже смотреться в их зеркало. Нас не пускали в курилку, у «зверей» не было права переступить разделительную линию на сторону «корнетов». Легенда гласила, что когда Михаил Лермонтов учился в этом училище, он сам лично, шпорой своего сапога провел по полу эту линию, и вот уже десятки лет, как все училище руководствовалось этим правилом.

«Корнет» мог задать младшему курсанту любой вопрос и в любое время. Ну, хотя бы такой: А ну-ка курсант, со скоростью пули назови имя моей любимой женщины! Младший должен был вытянуться на месте и ответить безошибочно, так как «зверь» должен был знать все о его любви, пристрастиях и будущих планах, где он собирался продолжить учебу или в каком полку он собирался продолжить службу. Или вот такой приказ: «Младший курсант, а ну-ка, со скоростью пули скажи, чем моя лошадь лучше лошади турка?» Вытянутый в струнку младший курсант отвечал:

«Тем, что Ваша лошадь сможет утопить в своем навозе и турка, и его лошадь.» Все хохотали, и чем оригинальным был ответ курсанта, тем больше внимания ему уделяли. Такие оригинальные вопросы и ответы распространялись тут же и часто выходили за пределы училища. По этим же правилам, «корнет» не имел права ущемить самолюбие младшего, в этом случае его осудили бы свои же, так как униженный младший курсант в будущем повторил бы то же самое в отношении младшего. В таком случае нарушилась бы установленная десятилетиями славная традиция. Эта игра сначала несколько подавляла каждого из нас, но потом даже веселила всех, что создавало особую обстановку среди курсантов. У каждого старшекурсника был им же выбранный младший курсант, которого он, как своего подопечного, тренировал, учил жизни, общению с женщинами (да что он сам понимал в этом, но...) и даже опекал его. Они красовались и хвастались между собой тем, у кого из них был более ловкий, способный и лучший «зверь» или «карась». «Карасей» в основном опекали первокурсники «звери», но и «корнеты» не отказывались от них.

Когда началась учеба, то первые месяцы ушли на знакомство с курсантами и запоминание их имен. Время и обстановка вместе с традициями быстро уладили взаимоотношения между новыми и старыми. Осенний период показал, кто среди младших и старших курсантов был сильнее в учебе, в верховой езде, в стрельбе во всем другом. Среди «карасей» я выделялся, как лучший наездник, это заметили и старшие. Не существовало такого приема, который я не смог бы выполнить. У нас в деревне жил самый прославленный наездник, который готовил ребят для выступления на цирковой арене и отправки за границу. Еще в двенадцать лет я научился выполнять сложнейшие трюки, часто я сам придумывал их. Правда, наши лошади были несколько ниже, и на них было легче выполнять разного рода трюки, но, когда я привык к высоким лошадям, то мне уже не было трудно выполнять их. В стрельбе я тоже был первым, да и саблей я владел лучше всех. По остальным предметам я немного хромал, но оценки и здесь меня были неплохие. Чем больше я привыкал к жизни и учебным условиям режима, тем лучше были мои результаты. Я намного улучшил свой русский, и вскоре начал понимать то,

что раньше мне было трудно понять. В этом я благодарен Сергею, он очень помогал мне. Я тоже был очень внимательным (это качеством меня было и раньше), поэтому проблему с языком я решил быстро. В Грузии я изучал и латинский, но в училище нас обучали французскому и немецкому языкам, которые были мне совсем незнакомы. Вскоре мне стало легче и с французским, а к изучению немецкого языка я приступил на первом курсе. Мои успехи в училище не остались без внимания старшекурсников. Наверное, это повлияло на то, что появились три конкурента, которые хотели покровительствовать и опекать меня. Один из них был «зверь», а двое – «корнеты». Как я уже говорил, согласно правилам, покровителем «карася» должен был быть «зверь», но и «корнет» имел на это право, и они не отказывались от такой возможности. Они, хотя и были старше меня на два-три года, но я так быстро вырос, что неотставал от них. И в езде на лошади, и в стрельбе я был лучше них. Из «корнетов» мне не нравился один, Дима Сахнов, так как он был очень высокомерным и надменным. Оказывается, он был из очень знатного рода и семьи, а я тогда не разбирался в таких делах. Хотя все знали, что я был из княжеской семьи, у меня самого не было ни соответствующей подготовки для этого, ни внутренней уверенности. Да и откуда они могли быть у меня? Угнетало меня и то, что звали меня чужим именем и фамилией. Поэтому поводу я был недоволен моим дядей. Другие больше придавали значения моей фамилии, чем я сам. Я учился чтобы стать князем, и хоть как-то оправдать свое происхождение.

Когда один «зверь» и два «корнета» не смогли поделить меня и договориться, кому из них быть моим опекуном, они предложили мне самому сделать этот выбор. Случилось так, что в это время к нам приблизились и другие. Рядом со мной стоял и Сергей вместе с Александром Каменским, который был его опекуном. Каменский был хорошим малым и не надоедал Сергею своим опекуном. К тому же он числился среди лучших курсантов. Я выбрал Александра. То, что я отказал сразу трем конкурентам, рассмешило всех вокруг. По их лицам было видно, что это обидело их. Каблуков сказал: нет, ты должен выбрать одного из нас. Я настаивал на своем – я выбрал Каменского. Тот с удовольствием кивнул мне головой. Озлобленные «корнеты» лишь процедили сквозь зубы: Ну что ж, карась, пеняй на себя! На эту угрозу я не обратил внимания. Ну вот, так я и нажил себе сразу трех врагов.

Каменский дружил с нами, он действительно был хорошим парнем. Те три курсанта, которых я так грубо отшил, старались не смотреть мне в глаза. Но если подворачивалась такая возможность, они будто невзначай пытались задеть меня плечом, а потом сами делали замечание: «Карась», открой глаза, и ходи так.» Дальше этого никогда не заходило. Каменский попросил меня не обращать на это внимания, и я старался не подавать виду. Хотя я настолько был уверен в себе, что, если не всех троих, то двоих вместе я точно смог бы одолеть. Они это чувствовали тоже, я так думаю, поэтому и воздерживались от большего конфликта. К тому же, в училище существовало очень строгое правило, согласно которому, в случае драки или словесного оскорбления друг друга, все участники ссоры без всякого разбирательства отчислялись из училища. Это тоже было причиной того, что я избегал драки.

В ходе одного урока, меня вывели из классной комнаты, потом вызвали и Шихарева, и старший курсант повел нас в казарму. Когда мы вошли, у моей кровати стояли заместитель начальника училища Станислав Захарович Козин, инспектор училища Николай Ильич Вялов и два «корнета» из комитета курсантов. Мной овладело какое-то неприятное чувство. Подойдя ближе, мы вытянулись перед ними в струнку. Вялов спросил меня: «Где твоя тумбочка для личных вещей?» Я указал рукой.

– Нет ли там чьих-либо вещей? – спросил он строго, будто был уверен, что так оно и должно было быть.

Такая постановка вопроса удивила меня. Конечно же, я отказался. Потом он спросил Сергея, его ответ был таким же. Мы не знали, что днем раньше старший курсант потерял ключ-сер для марок. Его нигде не смогли найти, и на следующий день во время уроков члены коми-

тета курсантов осмотрели все шкафы. Вялов приказал достать из тумбочки все наши вещи и положить их на кровать. Мы тут же приступили к делу. Когда я выложил с полки белье, на ней оказался альбом. От неожиданности я широко раскрыл глаза. Я привстал неловко и сказал, что это не моя вещь. Вялов грозно посмотрел на меня. Корнеты переглянулись между собой. Козин стоял спокойно и внимательно смотрел на меня.

– Что это такое? – спросил Вялов.

– Не знаю, я вижу это впервые, – ответил я растерянно.

– И откуда он оказался в Вашей тумбочке?

– Не знаю...

– Что, он сам прилетел из нашей казармы? – вмешался «корнет».

– Замолчите! – приказал Козин и обратился к Сергею, – Шихарев, Вы видели этот предмет в его руках?

– Никогда, господин полковник! – ответил он браво. – Его не интересуют марки и, вообще, филателия. Могу сказать, что он неразбирается в этом.

– Я не спрашивал Вас об этом, – спокойно сказал Козин.

– Они два сапога пара! – вновь вмешался курсант.

– Молчать! – приказал Вялов «корнету».

– А Вы разбираетесь? – вновь спросил Козин.

– Да, господин полковник! – Вы видели этот альбом раньше?

– Да, господин полковник, мне его показывал его владелец, – он остановился на секунду и добавил, – Моя коллекция лучше.

– Я Вас об этом не спрашивал, курсант, – он вновь спокойно сделал замечание и посмотрел на меня. – Как этот альбом мог попасть в тумбочку Амиреджиби?

– Не могу сказать, господин полковник, также не могу сказать, кто и с какой целью мог сделать это, – ответил он внятно без всякого колебания. Я даже удивился, что во время ответа он ничуть не растерялся.

– Значит, Вы думаете, что кому-то понадобилось сделать это?

– Точно не могу сказать. После вчерашних уроков я и курсант Амиреджиби не расставались ни на минуту, если бы он где-нибудь взял этот классер и спрятал у себя, тогда я должен был быть рядом с ним. Если вчера и сегодня утром этого классера не было в тумбочке, то тогда лишь в наше отсутствие кто-нибудь мог положить его туда на время.

– Хм, положил на время, да? – сказал с сарказмом Козин, и что-то наподобие улыбки пробежало по его лицу.

– Я же сказал, что они два сапога пара...

– Молчать! – На сей раз его остановил Козин. – Извольте извиниться перед курсантами и удалиться к себе!

Наступила неловкая пауза.

– Я жду! – курсант неловко извинился, резко повернулся и ушел.

– Вы тоже! – сказал он второму и тот последовал за первым. Я стоял растерянный и оскорбленный этой неожиданностью. И по лицу моему было видно, что происходило со мной. Он указал рукой на альбом. Я подал его, и он приказал следовать за ним. Он развернулся и пошел, Вялов последовал за ним, а вслед за ними и я.

Козин привел меня в свой кабинет, я во второй раз оказался в его кабинете после того, как стал курсантом. Он задал мне несколько вопросов по поводу того, не подозреваю ли я кого-нибудь. Я был абсолютно уверен, что он с первой же минуты знал, что я был ни при чем, и я даже представления не имел об этом альбоме. Убедительные ответы Сергея лишь уверили его в этом.

Он еще раз повторил мне вопрос, но я лишь приподнял плечи и с подкатившей к горлу обидой ответил, что не знаю, кто мог сделать это. Пока мы были в казарме, у меня сердце

екнуло, и в голове промелькнула мысль о том, кто бы мог это сделать, но вслух, конечно же, я не мог этого сказать.

Весть о случившемся дошла и до начальника училища. Благодаря Сергею, меня никто ни в чем не подозревал. Но сам факт был омерзительным, Кто-то по злему умыслу хотел бросить на меня тень, а за этим последовало бы мое отчисление из училища. Наоборот, после этого случая меня успокаивали учителя и курсанты, я по сей день благодарен им за это. Сергей же стал для меня самым близким человеком, мы и без того были друзьями, но после этого случая у меня появилось еще большее уважение и доверие к нему. Если задуматься, то почему? Да потому, что он не растерялся и сказал правду. Если кто-нибудь, хоть раз испытал на себе клевету, то он легко поймет и это, и цену настоящей дружбы.

Вроде все прошло, но эта история сильно затронула мое сердце, и многое изменила во мне. Мои мысли приняли совсем другое направление. Я сам должен был защитить себя. Не саблей и не кулаками, а умом. Вот я и стал думать, кто из тех трех курсантов мог совершить такой бессовестный поступок. Я был уверен, что это был один из трех. Возможно, их было двое. Про себя я вычислил: «Корнеты» оканчивали училище, это должно было случиться через несколько месяцев летом, и после церемонии окончания они бы попрощались с училищем. Поэтому они и решили сделать это перед уходом. Первокурсник «зверь» не мог пойти на такую подлость, так как он должен был продолжить учебу, и он вряд ли подверг бы себя такой опасности. Потом я подумал и о том, что эти «корнеты» не дружили, а наоборот, даже как-то конкурировали между собой. Поэтому они не могли вместе сделать такую низость, так как не доверяли друг другу. Но неужели они сами проникли в нашу казарму, своими руками принесли альбом и положили его в тумбочку? А может они сделали это чужими руками. Но чьими? Я знал, что один из курсантов нашей группы был подопечным Сахнова. Он так выдрессировал его, что тот выполнял все его поручения. Если это так, то исполнителем должен был быть кто-то из нашей казармы. Я остановился на этой мысли.

Своими соображениями я поделился с Сергеем, и он согласился со мной. Он сказал, что если действительно исполнителем является он, то постарается избегать нас и этим подтвердит наши сомнения. Так и произошло, в столовой за нашим столиком было место, но он не сел рядом с нами, а предпочел тесниться с другими. Он не мог смотреть нам в глаза. В классе я сказал Сергею, чтобы он попросил у него книгу, чтобы понаблюдать, как он поведет себя. И действительно, он так подал ему книгу, что даже не взглянул на него, а ко мне он не подходил вообще. Все это давало нам повод думать о том, что Сахнов использовал Горшкова.

Мы закрыли курс, у всех было приподнятое настроение. Через три дня на плаце должен был состояться выпускной парад старшего курса юнкеров, и все ждали Великого князя в гости. Репетиции старших и младших курсантов, а также эскадрона и Царской Казачьей Сотни, членом которой был и «мой доброжелатель» Сахнов, проводились вместе. Плац был расположен за главным корпусом, справа от него – манеж и конюшня, а на другой стороне – казармы и хозяйственные постройки. Я задумал не отпускать «моего доброжелателя» из училища без подарка.

Я долго думал, как осуществить задуманное мною. Это было очень рискованно. В случае малейшего подозрения, меня непременно отчислили бы из училища. Я полностью переключился на отшлифовку моего плана. Даже Сергею я ничего не сказал. И не потому, что я не доверял ему, наоборот, более надежного и верного друга у меня никогда не было. Просто я не хотел, чтобы в случае моего провала и отчисления из училища, моя участь не постигла и его. Но я не собирался провалить задуманное мною дело, наоборот, я знал, что надо было так спланировать и осуществить его, чтобы ни малейшая тень подозрения не пала на меня. Когда мой план созрел до конца, для испытания я прошел все задуманное с начала до конца, я даже замерил время, которое потребовалось бы для его осуществления. Так я убедился, что все получится.

За день перед парадом мы вернулись после репетиции в казармы. Было время ужинать, надо было умыться, отдохнуть и привести себя в порядок. Наутро все мы должны были быть в хорошей форме и в праздничном настроении. Я волновался тоже, это был мой первый парад и, к тому же, вместе с юнкерами-выпускниками. А волновало меня больше всего то, что осуществлению моего замысла уже ничего не могло помешать. Все, что я запланировал, я выполнил исключительно точно и волновал меня только ожидаемый результат. Мы уже заканчивали туалет и душ, когда послышались крики из казармы старших курсантов. Я понял, что началось. Я и Сергей из душевой вышли вместе, в казарме стоял шум и гам, кто-то кричал, а кто-то смеялся. Мы оделись и вместе с другими вышли к лестнице, чтобы узнать, что там происходит. На их сторону перейти мы не могли. Я очень хотел увидеть, как развивались события. А развивались они так: когда курсанты выпускного курса вернулись в казармы, там стояла страшная вонь, будто они находились в конюшне. Стали искать, откуда идет этот запах, и обнаружили, что постель Сахнова заполнена навозом, а сверху прикрыта одеялом. После этого все выскочили в коридор и стали кричать и шуметь. Остальные курсанты тоже выбежали в коридор узнать, что происходит, «корнеты» же не могли войти в свою казарму. Сначала пришел Вялов, через некоторое время появился и Козин. Все разом замолкли. Чтобы не попадаться на глаза, я решил отойти подальше.

Попросили прийти дежурного и устроили ему допрос, заходил ли кто-нибудь чужой в казарму, но он ничего не смог ответить. Когда спросили Сахнова, кто мог сделать это, насколько мне известно, он тоже ничего не смог сказать. Я стоял вдали от них, но сердце мое колотилось в груди, хотя по моему лицу ничего не было заметно. Сергей тоже ничего не заметил. Когда мы возвращались в казарму, он лишь ударил меня по плечу и сказал:

– Уважаю!

Я не подал виду, и он тоже не стал продолжать разговор.

После ужина всех курсантов вызывали к Козину и устраивали допрос: не известно ли вам, кто это сделал? Я спокойно прошел этот допрос, так как я целый день провёл вместе с другими и после репетиции вернулся в казарму вместе со всеми. Те пять или семь минут, в течение которых я отсутствовал, никто не заметил. В этом я был уверен. Если бы хоть один человек увидел меня, я бы не стал делать этого. Допрос закончился поздно. «Корнеты» были вынуждены вернуться в казарму. Несмотря на то, что окна были открыты, запах все же держался в помещении. «Корнеты» были недовольны именно Сахновым, так как, если бы не его невыносимый характер, этого не произошло бы.

Но на этом все не закончилось. Поздно ночью почувствовали, что запах идет и из гардероба, где висели мундиры для парада. Когда поняли, что никак не удастся избавиться от этого резкого запаха, стали искать, и наконец, обнаружили навоз и в кармане мундира Сахнова. За этим последовал новый всплеск негодования и потасовка. Кто-то сказал Сахнову: тебя именно тем и одарили, кто ты есть на самом деле. И снова пришло все начальство училища, все курсанты вышли в коридор. Уже надо было приложить немало усилий, чтобы вернуть нас на свои места. Все были настолько возбуждены, и всех настолько увлекло это зрелище, что не подчинялись даже приказу. Горделивым корнетам, которые оканчивали училище, кто-то устроил «навозные» проводы, вернее, это сделал я.

Сахнов остался без мундира. Кто мог ему принести новый мундир к параду? Единственной надеждой оставался Марко Маркович, который должен был хоть как-то помочь ему с мундиром.

Наутро я приготовил ему новый подарок, но я не знал, как он оправдает себя. Во время дежурства в конюшне я видел, как ветеринар лечил лошадей. Он разбавлял две большие таблетки в воде и давал пить лошади, промывал ей желудок, потом два-три дня не выпускал лошадь из конюшни, чтобы она могла успокоиться. Когда я принял решение ответить своему «доброжелателю», я втихаря взял две такие таблетки, на всякий случай, тогда я и не знал,

когда или для чего они мне понадобятся. Перед парадом, вечером, когда после репетиции мы привели лошадей в конюшню, я вышел оттуда позже всех. Перед каждой дверью стояла для лошадей обслуживающий персонал ставил ведро с водой. Лошадь Сахнова стояла в третьем ряду, параллельно нашему. В конюшне никого не было, вода же стояла перед дверью. Я подбежал, засыпал в воду заранее растертые в порошок таблетки и вернулся назад. Потом догнал Сергея и остальных ребят и вместе с ними вернулся в казарму. Наутро его лошадь была не в настроении, она не подчинялась своему хозяину. Если бы сам хозяин был более внимательным, то он должен был заметить состояние лошади. Но как видно, ему было не до этого, так как Марко Маркович подбирал ему какой-то мундир, который все же отличался от мундиров, в которые была одета Царская сотня. Лошадь нервничала. Кто-то предложил Сахнову сменить ее, но он отказался, сказав, что на нетренированной лошади он, мол, на парад не выйдет. Его же лошадь не могла соблюдать ряд, брыкалась. Когда мы выстроились, впереди всех стояла Царская сотня, потом эскадрон, а за ними следовали мы, кадеты. После торжественного круга перед трибуной в центре выстраивалась Царская сотня, по бокам от нее – эскадрон, мы же заполняли ряд за ними. Когда оркестр заиграл марш, лошадь Сахнова стала брыкаться, ударив копытом в морду стоящей за ней лошади, которая встала на дыбы и сбросила курсанта на землю. Лошадь Сахнова тоже встала на дыбы, Сахнов повис, но остался на лошади, одна его нога осталась в стремях, а одной рукой он держался за седло. Странно, что он не свалился тут же. Его лошадь, прорвав ряд, разбросала всех вокруг и с брыканьем вырвалась на плац. Она беспорядочно скакала, пытаясь сбросить всадника, еще чуть-чуть и Сахнов оказался бы на брусчатке. Это брыканье сопровождалось оркестровым маршем, криками, возгласами и смехом. На пустом плацу скакала лишь одна лошадь с повисшим на ней всадником. На трибуне для почетных гостей возникло замешательство: ведь такое невообразимое зрелище происходило на глазах Великого князя. В этом училище, такого наверно, никогда не случалось. После парада, когда все закончилось, в торжественной обстановке корнетам были переданы дипломы об окончании училища и нагрудные значки. Великий князь сам лично поздравил всех. После этого состоялся торжественный обед, на котором присутствовали и мы, кадеты. Я, конечно же, стоял с «карасями».

Я увидел, что к нам приближался Сахнов, Сергей немного напрягся, увидев его разгневанное лицо. Он приблизился ко мне, несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, все смотрели на нас, вокруг воцарилась тишина. В руках он держал запачканную белую перчатку, и я тут же догадался, что он собирается провести ритуал. Он попытался ударить меня перчаткой по лицу, но я опередил его и удержал его руку.

– Если хочешь что-нибудь сказать, можешь и без этого! – я не отпускал его руки и не сводил с него глаз.

Он растерялся. После того, как я отпустил его руку, он сказал:

– Пока тебе шестнадцать, и я не имею права требовать немедленного удовлетворения. Поэтому, когда тебе исполнится восемнадцать, ты должен удовлетворить мое требование. Я вызываю тебя на дуэль!

– С удовольствием, – ответил я спокойно. Я как будто даже обрадовался этому и с воодушевлением добавил:

– Право выбора я оставляю за тобой.

Вокруг нас все стояли побледневшие.

– Добро! – сказал он, развернулся и ушел.

На второй день меня вызвал в свой кабинет Козин. По его глазам я понял, что он, что-то знает о случившемся. Он не произнес ни одного слова, а только смотрел на меня. Сначала я не мог смотреть ему в глаза, с поникшей головой я стоял перед ним и ждал, пока он заговорит со мной. Через пять минут я поднял голову и посмотрел на него с удивлением, но он не изменился в лице. Некоторое время мы так и смотрели друг на друга, наверно он ждал, что я сам заговорю

с ним и признаюсь в чем-нибудь. Я чувствовал, что мне надо было выстоять, и я выстоял, лицо мое, наверно, выражало удивление и наивность. Никакого внутреннего желания сдаваться в этой психологической борьбе у меня не было. Правда, тогда я ничего не понимал в психологии, скорее всего, моя внутренняя вера давала мне эту силу. С тех пор прошли годы, десятки лет, но эти десять минут и топчтение, которое у меня появилось к герою русско-турецкой войны, полковнику Козину, я не смогу забыть никогда. Он тоже уважал меня и считал своим лучшим курсантом. Я был ему признателен за то многое, что он сделал для меня. И сегодня я сохранил эту благодарность.

ИЗ ДНЕВНИКОВ ЮРИЯ ТОНКОНОГОВА

Когда я познакомился с Лидией, она мне сразу же очень понравилась. Сначала я даже не поверил, что она работала на моего шефа. Тогда он сказал о ней, что это редкий случай, что она самородный жемчуг для контрразведки. Эта действительно способная девушка наделена и другими достоинствами. Выражение её лица говорило о неземном послушании моему патрону. Было невозможно остаться к ней равнодушным. Присмотревшись к ней ближе, любой человек, проникался бы добрыми чувствами к ней. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что она влюблена. Я и мой шеф в документах упоминали ее под другим псевдонимом – Тата. Мне кажется, что он и сам был влюблен тогда, но думаю, что он не воспользовался бы своим положением. Он, все же, птица высокого полета. (Поздняя приписка другим карандашом). Время показало, что я был прав. В августе 1910 года я познакомился с Сандро. В тот день, его дядя назвал его именно этим именем. Из агентурных рапортов я многое знал о нем, он же обо мне, конечно, ничего. Он так удивился тому, что я говорил на грузинском языке, что я еле сдержался, чтобы не расхохотаться. Этот красивый парень – настоящий дикарь, но его нельзя винить в этом. То ли он с подозрением смотрел на меня, то ли у него всегда такой взгляд – я сразу и не догадался. С дядей он был более почтительным, но он почти не смотрел ему в глаза.

Когда я спросил Музу, почему парня назвали таким именем, он ответил: «Он сын человека такой высокой морали, что я не осмелился бы ему предложить другую фамилию. Я хорошо знаю Гиоргия Амiredжиби, всю его семью и род. Поэтому, давая парню такую фамилию, я был уверен, что душе его отца станет легче. Когда я говорил с господином Георгием Амiredжиби и поделился с ним моими планами насчет этого юноши, он спросил только об одном: «Каких нравственных принципов придерживался его отец?» Когда я назвал его отца, он был крайне удивлен. Он много слышал о нем от простых людей, и знал мнения авторитетных лиц о нем. Потом он сказал вот что: «Я буду счастлив, если душа его отца примет наше решение. Господь Бог простит меня, так как мы вершим это во имя добра.» Он без колебания согласился усыновить его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.